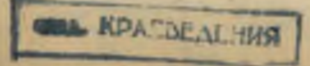
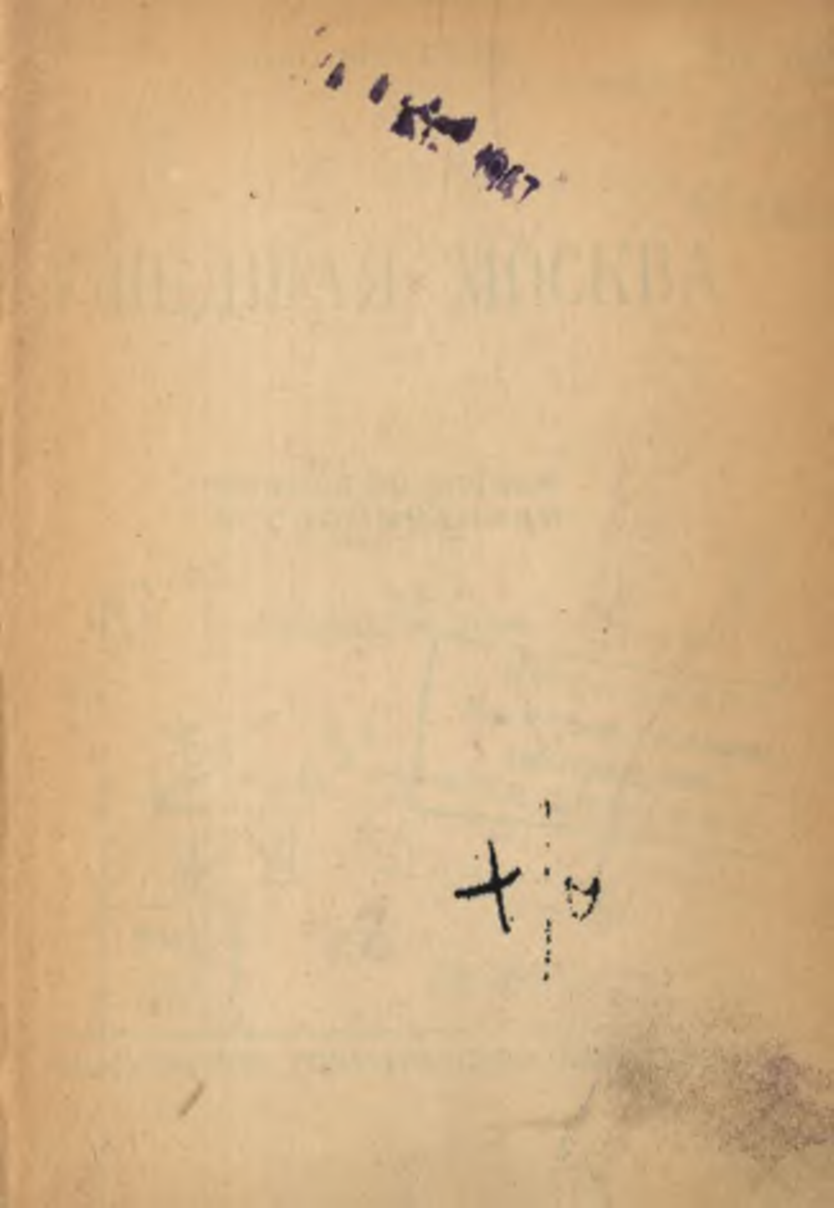
Иван Белоусов

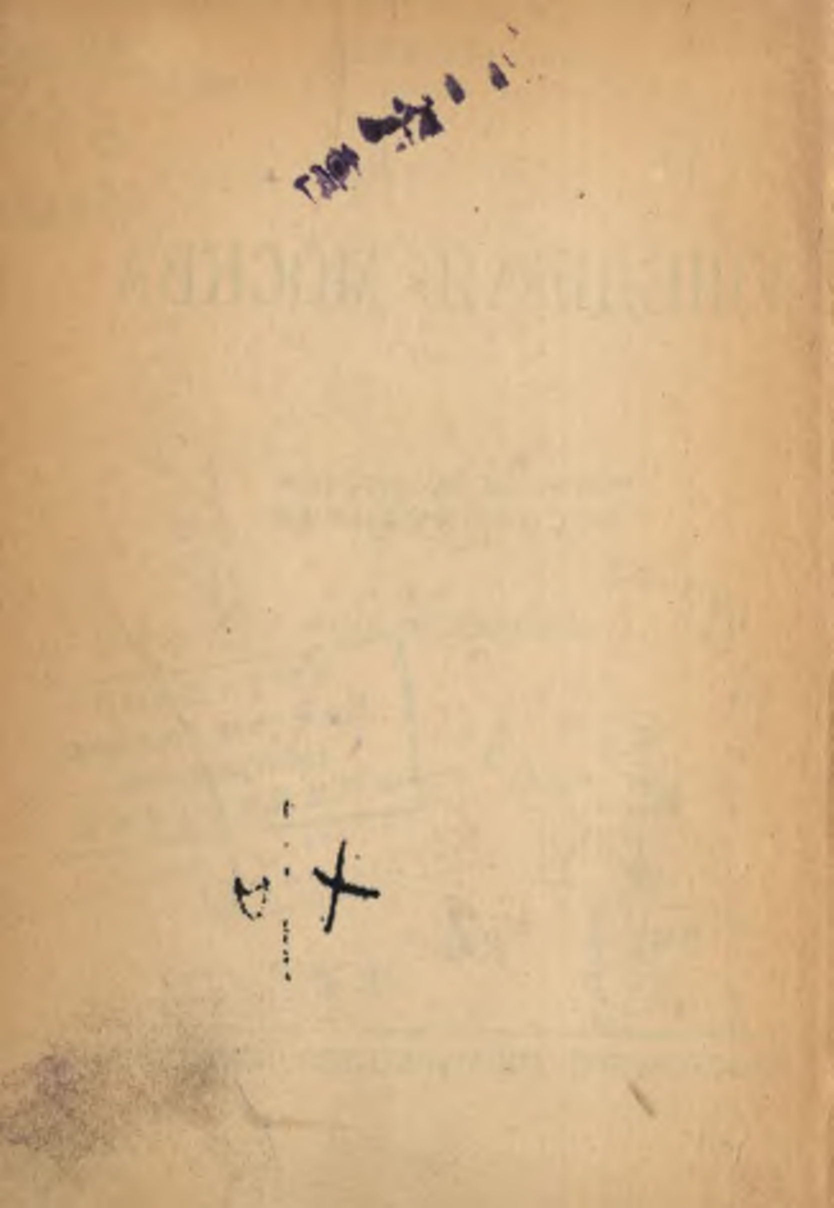
Ушедшая Москва

Московское
Товарищество писателей

КРАЕВЕДЕНИЯ

ИВАН БЕЛОУСОВ

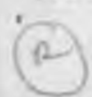
УШЕДШАЯ МОСКВА

ЗАПИСКИ ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ

С НАЧАЛА 1870 ГОДОВ

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

1927

Главлит № 93974. Тираж 4000 экз.—8¼ л. Заказ № 3909

УШЕДШАЯ МОСКВА.

ЗАПИСКИ-ВОСПОМИНАНИЯ О БЫТЕ МОСКОВСКИХ МЕЛКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ, МАСТЕРОВЫХ, СЛУЖАЩИХ, ТОРГОВЦЕВ, МЕЩАН, КУПЦОВ.

19 г.

ОТ АВТОРА.

При составлении своих записок-воспоминаний об Ушедшей Москве я никакими источниками не пользовался и записывал только то, что видел, слышал и пережил и что сохранилось у меня в памяти. Поэтому мои записки не носят исследовательского характера, а представляют лишь личные мемуары о прожитой сознательной жизни в Москве более чем за 55 лет.

Ушедшая Москва.

Людей всегда интересовало прошлое. Но то, что ушло от нас в глубь веков, мало оставило ясных следов отдаленной человеческой жизни.

Мы—люди живущие теперь, восстанавливаем прошлую жизнь по тем немногим остаткам, которые сохранились от разрушения временем. Эти остатки, может быть самые незначительные,--при тщательном изучении их, дают нам картину прошлой жизни,—они оживляют прошлое, несмотря на то, что являются, может-быть, только куском металла, камня, остатком ткани, письменами или устной передачей сказки, былины. песни, предания...

Для изучения прошлого человек употребляет все свои силы, все свое дарование:—археолог—занимается раскопками и собиранием предметов древности, художник изображает жизнь в картинах, музыкант—в музыке, ученый—в исследовании древних рукописей, письмен, писатель—в слове, в художественном описании текущей жизни, памятуя что:

«Река времен в своем стремлении
Уносит все дела людей.
И топит в пропасти забвения
Народы, царства и царей".

Памятуя это, и бытописатель заносит в свои записи то, что видел, пережил и что слышал от достоверных людей, и это, как и художественное описание, живет дольше камня и металла и прочнее их. Жизнь, как бы она ни была незначительна, описанная подробно и правдиво, представляет интерес и приносит пользу будущим поколениям при изучении прошлого.

Основываясь на последнем предположении я берусь записывать то, что видел, что запечатлелось в моей памяти с самого начала моей сознательной жизни, а моя жизнь протекла в Москве, — я в ней родился 27 ноября ст. ст. 1863 года, вырос и в ней доживаю, никогда, никуда не отлучаясь.

По общественному положению я принадлежу по деду и отцу к крестьянскому роду, но в деревне, кроме временных побывок, никогда не жил; отец также ушел из деревни и был в Москве мелким ремесленником,—он в год моего рождения имел небольшую портновскую мастерскую. Круг его знакомых состоял из ремесленников, мелких торговцев, служащих, мещан, купцов—с этой стороны мне и знакома московская жизнь с самого начала 70-х годов, т.-е. почти 60 лет,—с этой стороны я и берусь описывать ее.

* * *

Когда я гляжу на Москву последних дней, и сравниваю ее с Москвой до-революционного периода, я вижу как изменилась она в бытовом, торгово-промышленном и производственном отношениях и даже

во внешнем виде; особенно резко это произошло сравнительно за небольшой период времени — за 10—15 лет.

Этот период времени слишком близок к нам, — его многие переживали и он у многих на памяти. Но если взять Москву за полвека или несколько более тому назад, какою она сохранилась в моей памяти, то в ее быту, даже во внешности можно увидеть то, что знакомо и известно очень немногим, тем более новому, молодому поколению.

Я пережил три царствования, начиная с Александра II, но по рассказам стариков в моей памяти сохранились бытовые черты и «Николаевских времен», т.-е. царствования Николая I. Эти «Николаевские времена» отражались в архитектуре зданий, особенно казенных, которые все почти были построены в ложно-классическом стиле и окрашены в желтую краску. Еще много было зданий в стиле Ампир от времени Александра I.

При Александре II Москва в архитектурном отношении мало изменилась, чувствовалось только тяготение к русскому стилю, а при Александре III этот ложно-русский стиль был выявлен в самых широких размерах—все общественные постройки производились только в этом стиле:—Исторический музей, Городская дума, Городские ряды и мн. друг. При Николае II пошло декаденство, модерн. Особенно в это время было много построено московским купечеством домов - особняков в этом стиле: на Спиридоновке, Воздвиженке, Никитской, Поварской...

В характере архитектуры Москвы сказывался и характер ее правителей.

* * *

Мастерская моего отца находилась в Зарядье на углу Псковского и Мокринского переулков, в доме Варгина,—того самого Варгина, который был крупным поставщиком провианта и аммуниции на армию в 1812 г. Впоследствии я слышал от отца, что этого поставщика Варгина по доносам и клеветам предали суду за то, что он будто бы поставлял негодную аммуницию и недоброкачественный провиант на армию. Но Варгин был честнейший человек и патриот и не только сам не брал взяток, но и другим чиновникам не давал брать.

Впоследствии Варгин был оправдан, освобожден из Петропавловской крепости, куда он был заключен, и ему были возвращены все имения и дома, а домов у Варгина было несколько,—ему принадлежало владение, на месте которого теперь находится Малый театр, открытый в 1824 году; огромный дом на Ильинке, который Варгин пожертвовал Серпуховскому обществу, так как Варгин был уроженец г. Серпухова; дом этот назывался «Серпуховским подворьем».

Между прочим, в этом в доме 1870—80 гг. находился часовой магазин Калашникова, у которого много лет служил приказчиком Михаил Алексеевич Москвин—отец известного теперь артиста Художественного театра Ивана Михайловича Москвина,—он и жил в этом доме.

Довольно большое владение принадлежало Варгину на углу Кузнецкого моста и Лубянки; дом был сломан до революции и на его месте построено здание, в котором теперь находится Комиссариат Иностранных дел и стоит памятник Воровскому. В неизменном виде находится дом на Тверской улице, против бывшего губернаторского дома, ныне Московского Совета и дом в Зарядье, в котором я родился.

Все эти дома перешли в наследство племянникам Варгина. В зарядском доме жил управляющий Варгина; отец мой был с ним дружен. Этот управляющий подарил моему отцу картуз из настоящего морского котика, камышевую трость с сердоликовым набалдашником, украшенным золотом и пистолет с длинным дулом,—такие пистолеты прежде употреблялись для дуэлей,—все эти вещи принадлежали поставщику Варгину и были им подарены своему управляющему.

Картуза отец не носил, так как он был меховой,— отец же носил только суконные картузы и никогда не надевал ни шляп, ни шапок. Картузы у него были летом — на одной подкладке, а зимой—на подкладке с ватой.

Из варгинского картуза отец сделал мне шапку, которую я носил много лет. Пистолет в кожаной кобуре лежал убранным в шкафу и служил мне игрушкой, но играл я им, изображая не то разбойника, не то какого-то героя, когда отца не было дома:— хотя этот пистолет не был заряжен и, кажется, испорчен,—отец из боязни не позволял мне до него дотрагиваться.

В 1881 году, после убийства Александра II, отец испугался, что имеет огнестрельное оружие, немедленно отнес пистолет в полицию и отдал его квартальному.

Когда мне исполнилось восемь лет, отец вздумал обучать меня грамоте. Дома до восьми лет меня никто не обучал, и я не знал ни одной буквы. Да и обучать было некому, — отец был полуграмотный, а мачеха совершенно неграмотная.

Отец отвел меня к дьячку своего прихода—«Зачатие св. Анны». Дьячок не сам обучал грамоте,—этим делом занималась его жена. Обучение шло сначала по церковно-славянски, а потом уже учили гражданскую грамоту. Азбуку мы учили с указками, эти указки так были распространены, что продавались не только в писчебумажных магазинах, но имелись и в овощных лавках.

Буквы и склады—двойные и тройные,—мы повторяли за своей учительницей хором, водя по азбуке указкой. Как трудно давалась эта наука можно было судить по тому, что листы азбуки после изучения ее оказывались насквозь продырявленными.

Я вспоминаю одного ученика—сына булочника из Замоскворечья—ему так трудно давалась азбука, и так он ее возненавидел, что проходя по Москворецкому мосту, утопил книжку в Москве реке.

Обучившись кое-как читать и писать, я был отдан в учебу к дьячку нового типа—псаломщику из семинаристов, служившему при церкви Николы-Красный Звон в Юшковом переулке между Ильинской и Варваркой.

Псаломщик должен был подготовить меня к поступлению в Городское училище, куда отец решил меня определить по совету кого-то из знакомых.

В то время начальных казенных училищ было очень мало—пути - дороги к свету простому люду были преграждены, и гимназии, пансионы, университеты были доступны только привиллегированному классу; кухаркиных детей, мелких ремесленников и крестьян туда не допускали, а для московских мещан было специальное училище—Мещанское училище у Калужских ворот, содержимое на средства Купеческого общества.

Ближайшее от нас городское училище находилось в Ипатьевском переулке, близ Варварки, помещалось оно в здании старинной постройки и называлось «Первое Московское городское училище по положению 1872 года». Училище считалось 3-классным, но курс его был 6-летний, так как в каждом классе имелось по два отделения—младшее и старшее, как отдельные классы. В это училище ученики принимались по экзаменам и только грамотные. Псаломщик подготовил меня в старшее отделение 1 класса, куда я и поступил в 1875 г. Окончил я это училище в 1880 г. с наградой. В награду я получил книгу, насколько помнится, хрестоматию Поливанова—«Золотая грамота». Но в других училищах давали награду по выбору—или книгу, или сапоги.

По окончании учения, я стал помогать отцу в его деле и рос среди мастеровых. У отца всегда было 6—7 мастеров и 5—6 учеников. Ученики привози-

лись в Москву из близ лежащих к ней уездов и смежных губерний. У каждой местности были свои излюбленные ремесла или промыслы,—так, тверитяне доставляли учеников в сапожные мастерские; ярославцы отчасти тоже шли в сапожники, но большей частью в трактирщики и мелкие торговцы; рязанцы—в портные и картузники; владимирцы — в плотники и столяры.

Между хозяином и отцом ученика заключалось домашнее условие, письменное, а чаще устное, по которому хозяин брал ученика на выучку на 5—6 лет. В это время хозяин обязывался содержать ученика, давать ему в год одну пару сапог, две пары белья и какую-нибудь одежонку и то осеннюю, а зимнюю должен был справлять отец ученика. Но чаще всего ученик во все время обучения обходился одним полушубком, в котором был привезен из деревни.

По выходе из учения, т.-е. по прошествии 5—6 лет, хозяин обязывался наградить ученика 15—20 рублями и прилично одеть его.

Вновь приведенного ученика начинали постепенно приучать к делу — говоря, например, о портных, его сажали на каток, низкие, сплошные нары, немного более аршина от полу,—и учили его сидеть по портновски, — «Сложа ноги калачиком». Хозяин покупал ученику наперсток и иголки. Наперсток надевался на средний палец, который должен был быть в согнутом положении, а к этому привыкать было довольно трудно, поэтому согнутый палец связывался какой-нибудь тесемкой, или узкой полоской ма-

терии. Так ученик привыкал владеть наперстком и иглой.

Первое время ученикам давали очень легкую работу:—распороть старые вещи, предназначенные для перелицовки, выдергивать заготовочные нитки из сшитых вещей, сшивать куски меха.

Первым долгом вновь привезенному ученику давалось прозвище, судя по наружности, по местности, откуда он привезен—«Кривой», «Рябой», «Ежик», «Пузырь», «Лодырь», «Косопузый»,—последнее прозвище давалось рязанцам,—и тогда имя ученика в обиходе совершенно исчезало до известного времени,—и именно до окончания учения.

По окончании учения, бывший ученик, ставший мастером, «на выходе» устраивал «спрыски», т.-е. угощал старших мастеров вином и чаем, и с того времени какой-нибудь «Ежик», или «Лодырь» становился Иваном Ивановичем, или Василием Ивановичем.

«Спрыски» полагались не только с вышедших из учеников, но и всякий, вновь принятый хозяином мастер, обязан был устроить эти «спрыски» для мастеров, в среду которых он вступал:

* * *

Над вновь приведенным учеником старые мастера любили подшутить.

— Эй, Косопузый,—скажет мастер,—вот тебе две копейки, беги в овощную лавку, купи там «поросячьего визгу».

Недавно попавший в Москву мальчик, ничего не подозревая, бежал в лавку и спрашивал на две копейки «поросячьего визгу».

Молодцы-лавочники знали в чем дело и больно дергали мальчика за прядь волос у затылка, мальчик начинал визжать, кричать от боли, и наконец, вырывался и ни с чем возвращался в мастерскую. Мастера были довольны удавшейся шуткой.

Обязанности учеников, кроме обученья ремеслу, состояли в следующем: на каждый день из них назначались дежурные—«дневальные», которые обязаны были вставать раньше других, подметать пол, выносить мусор, колоть дрова и приносить их для «жаровни». Жаровня—железный закрытый шкаф с внутренней плитой, где в портновских мастерских разогревались утюги.

Мастер выбирал себе в подручные какого-нибудь ученика,—если мастер был «крупняк», т.-е. умеющий шить крупные вещи—сюртуки, пальто, шубы,—то его ученик выходил «крупняк», а если попадал в подручные к «мелочнику», т.-е. шившему мелкие вещи—брюки, жилеты, то и ученик выходил или брючником или жилеточником.

Ученик был в полном распоряжении мастера,—он приказывал подавать ему все, что было нужно для работы: утюги, колодки, щетки, нитки. И в то же время ученик служил посредником между мастером и хозяином,—он то и дело бегал в хозяйскую выпросить шелку, гарусу, ниток, пуговиц, ваты и др. прикладу.

Иногда ученику приходилось бегать к хозяину по нескольку раз за одним и тем же делом: мастер пошлет ученика выпросить пуговиц на пиджак, мальчик бежит к хозяину:

— Дяденька, пожалуйте Егору Ивановичу пуговиц на пиджак.

— Сколько?—спрашивает хозяин.

— Он не сказал.

— Поди спроси.

Мальчик бежит к мастеру, спрашивает, прибегает к хозяину, докладывает:

— Восемь.

— Да какой пиджак-то? Я забыл что то—кому он шьет пиджак.

Мальчик опять бежит в мастерскую, узнает, говорит хозяину и, наконец, получает пуговицы...

Кроме обязанностей по мастерской, ученики были в полном распоряжении хозяйки: она посылала их за покупкой провизии, иногда заставляла няньчить детей. Ученики помогали кухарке отвозить и полоскать белье в реке, кололи и приносили дрова для печки и таскали ведрами из бассейна воду.

В то время бассейн в Зарядье находился в Зарядском переулке, спускающемся от церкви Варвары мученицы вниз к Мокринскому переулку. Если подниматься в гору по Зарядскому переулку, то бассейн находился у стены второго от угла дома по левой стороне и представлял вид раковины, приделанной к стене. Вода в бассейн шла из Мытищинского водо-

провода. Из этой раковины обыватели брали воду, черпая ее ведрами.

Кстати надо заметить, что зарядские хозяйки брали воду для солки огурцов из колодца в Знаменском монастыре,—вода там была соленая. Не знаю, существует ли теперь этот колодезь...

Вообще ученики в работах по хозяйству принимали большое участие,—они целый день были в беготне—мастера то и дело посылали их то за водкой, то за закуской, то за табаком.

В Зарядьи было множество овощных лавочек и торговцев разными с‘естными припасами,—к ним-то и бегали ученики за покупками закусок...

* * *

Зарядье—местность лежащая ниже Варварки, граничащая со стороны Москвы реки Китай-городской стеной с Проломными воротами состояла из сети переулков — Псковского, Знаменского, Ершовского Мокринского, Зарядского и Кривого. Вся эта местность была заселена мастеровым людом; некоторые дома сплошь были наполнены мастеровыми: тут были портные, сапожники, картузники, токари, колодочники, шапочники, скорняки, кошелевщики, пуговичники, печатники,—печатавшие сусальным золотом на тульях шапок и картузов фирмы заведений.

В моей памяти Зарядье в начале 70-х годов прошлого столетия наполовину было заселено евреями.

Евреи облюбовали это место не сами собой, а по принуждению: в 1826—27 г.г. евреям было позво-

лено временное жительство в Москве, но этим правом могли пользоваться только купцы—торговцы, которым, судя по гильдии, дозволялось проживать от одного до трех месяцев. Кроме того, они могли останавливаться только в одном месте—именно в Зарядье на Глебовском подворьи.

Таким образом это подворье, существующее доселе, являлось «Московским Гетто» *). Впоследствии на этом подворье была устроена синагога; а к концу 70-х годов в Зарядье было уже две синагоги, и вся торговля была в руках евреев.

Некоторые переулки представляли собой в буквальном смысле еврейские базары, ничем не отличающиеся от базаров каких-нибудь захолустных местечек на юге,—в «Черте оседлости». Торговки-еврейки с с‘естными припасами и разным мелким товаром располагались не только на тротуарах, но прямо на мостовой. По переулкам были еврейские мясные, колбасные лавочки и пекарни, в которых к еврейской пасхе выпекалось огромное количество «мацы»—сухих лепешек из пресного теста—опресноков. Зарядские еврейские пекарни выпекали «мацу» не только для местного населения, но отправляли ее в другие города.

При мясных лавках имелись свои резники, так как по еврейскому закону птица или скот должны быть зарезаны особо посвященными для этого дела людьми—резниками.

---

*) Строго изолированное место, где позволялось жительство евреям.

Резники существуют и до сего времени—я недавно видел на Валовой улице на воротах одного дома вывеску, с надписью: «резник такой то»...

Много было в Зарядье и ремесленников-евреев, большей частью они занимались портновским, шапочным и скорняжским ремеслом.

Главное занятие скорняков-евреев состояло в том, что они ходили по портновским мастерским и скупали «шмуки». «Шмук» на языке мастеровых означал кусок меха или материи, который мастер выгадывал при шитье той или другой вещи.

Чтобы получить «шмук», мастер поступал так: он смачивал слегка квасом и солью мех, растягивал его в разные стороны, отчего размер меха увеличивался, и мастер срезал излишек по краям узкими длинными полосками, которые и скупались скорняками евреями; они сшивали полоски в целые пластинки и продавали их в меховые старьевские лавочки на Старой площади.

Еще эти скорняки занимались тем, что в мездру польского дешевого бобра вставляли седые полосы енота или какого нибудь другого зверька, от этого польский бобер принимал вид дорогого камчатского бобра...

Несмотря на то, что владельцами домов были известные богачи, как Варгин, Берг, Василенко, Толоконников, сами они не жили в этих домах, которые были построены специально для сдачи мелкому ремесленнику или служащему люду, и тип построек был самый экономный: для того, чтобы уменьшить

число лестниц и входов, с надворной части были устроены длинные галереи или, как их называли,— «галдарейки». С этих «галдареек» в каждую квартиру вел только один вход.

На «галдарейках» в летнее время располагались мастеровые с своими работами: сапожники сидели на «липках» и стучали молотками, евреи скорняки делали из польских—камчатских бобров, или сшивали лоскутья меха, хозяйки выходили со своим домашним шитьем,—около них вертелась детвора. А по праздникам на «галдарейках» собирались хоры и пелись песни...

В темных, грязных подвалах Зарядских домов ютилось много гадалок; некоторые из них славились на всю Москву и к ним приезжали погадать богатые замоскворецкие купчихи. Такие «известные» гадалки занимали прилично обставленные квартиры и занимались своим ремеслом открыто, благодаря взяткам полиции, которая по закону должна бы преследовать их.

Мелкие гадалки имели своих зазывальщиц,—они стояли у ворот и предлагали прохожим погадать у их хозяек.

Особого антагонизма между взрослым русским и еврейским населением не было в Зарядье, но зато мальчики—ученики разных ремесленников—не давали прохода еврейской детворе; от них доставалось и взрослым евреям: бывало, ни один ученик-ремесленник не пропустит мимо себя еврея, чтобы не крикнуть ему вслед слово: «С хреном» или «П-п-пр-у-у».

Не знаю, откуда получилось «С хреном». Существует много догадок о происхождении этого неприятного для евреев слова, но все рассказы, которые я слышал, не дают полного, исчерпывающего об‘яснения. Между прочим рассказывали такую версию, когда-то давно, может быть, в начале XIX века, один еврей-поставщик «живого товара» в московские трущобы—привез из провинции целую кибитку молодых девушек, тщательно укрыв их в кибитке, а в то время у застав стояли патрули и проверяли все, что привозилось в Москву. Вот патруль и спрашивает еврея:

— Что везешь?

— Я везу хрен,—с хреном приехал в Москву,—отвечал поставщик «живого товара». С этих пор и установилась эта кличка, существовавшая очень долго.

Второе слово «П-п-пр-у-у», я думаю, произошло от того случая, когда в Москве был громкий процесс, в котором были замешаны три богатых еврея—крупных поставщиков на казну, один из них, насколько мне помнится, был Малкиэль. Тогда в одном из юмористических журналов, в «Будильнике» или «Развлечении» была помещена каррикатура—на ней были изображены все эти три еврея, запряженные тройкой, в кореннике был Малкиэль. Подпись под этой каррикатурой была «П-прр-у-у».

Интересную картину представляло Зарядье в один из осенних еврейских праздников, когда они по закону должны были итти на реку и там читать положенные молитвы.

С молитвенниками в руках, в длиннополых, чуть не до самых пят, сюртуках, в бархатных картузах— вот такого же фасона как носят теперь, из под которых выбивались длинные закрученные пейсы, евреи толпами шли посредине мостовой—в этот день им запрещалось ходить около домов, потому что у стен копошилась нечистая сила. Набережная Москвы реки против Проломных ворот в этот день была сплошь унизана черными молящимися фигурами.

Перед праздником пасхи набережная реки у спусков к воде наполнялось еврейскими женщинами, моющими посуду.

По закону, стеклянная посуда, употребляемая на пасхе, должна была три дня пролежать в воде; но в то время, которое я помню, этого не делалось, а просто ходили на реку и там мыли посуду.

Медная и железная посуда очищилась огнем, а фарфоровая, глиняная и деревянная—совсем выносилась из дома и убиралась в сараи. У более богатых людей этот сорт посуды к каждой пасхе заменялся новой.

Женщины-еврейки в этой церемонии не принимали никакого участия, они даже и вообще не принимали участия в богослужениях в синагогах.

Праздники евреями соблюдались очень строго, никакой торговли и работы в эти дни не было; с вечера пятницы шумное, суетливое Зарядье затихало—переулки были пустынны. В каждом доме приготовлялся ужин, за который усаживалась вся семья; на столах в особых высоких подсвечниках горели свечи, зажи-

гаемые только в праздники. Ужинали, не снимая картузов; так молились и в синагогах.

Если какой-нибудь русский из любопытства заходил в синагогу, его просили не снимать картуза.

Днем в субботу сидели дома, с утра читали священные книги, а к вечеру шли гулять. Излюбленным местом прогулок был Александровский сад.

В дни «Кущей», после осеннего праздника, когда евреям по закону нельзя было принимать пищу в закрытых помещениях—строились временные из легкого теса длинные сараи, покрытые вместо крыши ветвями елок, так что сквозь них было видно небо.

Принятие пищи в этот праздник евреям дозволялось только вечером—после заката солнца. И вот в эти сараи-кущи собирались со всего дома для вечерней трапезы все жильцы евреи.

Богатые евреи имели в своих квартирах особые помещения, над которыми в праздник «Кущей« раскрывалась крыша и отверстие застилалось ветвями ельника.

* * *

В Зарядье в то время было много «головных» лавок в которых вываривалось разное «голье»—легкое, сердце, печенка, горло, рубец и целые головы крупного скота, из которых получалась «щековина».

Всю эту снедь из головных лавок раскупали оптом лотошники и продавали с лотков в розницу.

Чтобы горячее «голье» не остывало, оно покрывалось на лотках тряпками. Можно было купить на копейку, на две печенки и легкого с горлом, но были

и более дорогие продукты, так, например, состоятельные мастера иногда посылали учеников прямо покупать в головные лавки обрезков кожи и жира с окороков ветчины: таких обрезков менее, как на пятачек не отпускали. Там же можно было купить кость от окорока, которая, судя по остаткам содержимого на ней, стоила от 10 до 15 копеек. С этой кости нарезалось довольно порядочно ветчины, конечно, жилистой и заветренной. Такие закуски на языке мастеровых назывались «собачьей радостью».

Иногда и ученики позволяли себе удовольствие купить на 2—на 3 копейки закуски; для этого употреблялись деньги вырученные от продажи лоскутьев. Надо заметить, в портновских мастерских всегда было много обрезков от материи, из которой шились вещи. Эти кусочки сукна, драпа, трико собирались учениками и продавались лоскутникам, платившим по 4—5 копеек за фунт. Лоскутники, большей частью евреи, перепродавали эти лоскутки более крупным скупщикам, а те отправляли их на суконные фабрики, где из них вырабатывался так называемый «кноп»—шерстяная пыль, употребляемая для выделки дешевых сортов сукна, трико и драпа. Таких фабрик особенно много было в Лодзи, почему лодзинские суконные изделья считались низко-сортными...

* * *

В Зарядье славилась головная лавка Кастальского; при этой лавке имелась комната в виде столовой, где можно было получить на 10—15 коп. горячей

ветчины, мозгов и сосисок, а в посты—белуги или осетрины с хреном на красном уксусе; к закускам подавалась сайка или калач.

Ветчиной Кастальский славился, и многие москвичи заказывали у него окорока к пасхе. Окорок к пасхальному столу у москвичей считался необходимостью, как к рождеству поросенок.

Был и другой поставщик ветчины на купечество, это—«Арсентьич»: у него в Черкасском переулке на Ильинке был трактир. Ветчина «Арсентьича» по своему засолу и выдержке славилась даже за пределами Москвы.

Кроме поименованных «радостей», к услугам мастерового люда на улицах стояли и другие торговцы—рубцами, завернутыми в трубки и обвязанными мочалой, горячими кишками, начиненными гречневой кашей и обжаренными в бараньем сале.

Все эти снеди продавались в мясоеды, а в посты торговцы выходили с гороховым киселем, вылитым и застуженным прямо в лотках. С лотков продавались гречневики или как их произносили: «грешники», они выпекались из гречневой муки, в особых глиняных формочках. Гречневик представлял из себя обжаренный со всех сторон столбик высотою вершка в два; к одному концу он был уже, к другому—шире.

На копейку торговец отпускал пару гречневиков,—при этом он разрезал их вдоль, и из бутылки с постным маслом, заткнутой пробкой, сквозь которую было пропущено гусиное перо, поливал внутренность гречневика маслом и посыпал солью.

Гречневики были вкусны в горячем виде, холодные же служили торговцам для другой цели,—они из них устраивали особую игру; игра эта состояла вот в чем: на лотке был вырезан кружек: вершка в два в диаметре; в середину этого кружка ставился гречневик широким основанием книзу; сверху на гречневик клалась копейка: надо было ударить ножом по гречневику так, чтобы он вылетел из кружка вместе с копейкой. Игра эта требовала особой сноровки и расчета силы удара, потому что гречневик большей частью от удара вылетал, а копейка падала в кружок—это означало проигрыш и копейка поступала в пользу торговца. Если же копейка вылетала из кружка, играющий получал бесплатно гречневик.

В посты—особенно великим постом,—было много торговцев блинами. Их выносили из пекарни наложенными стопками на небольшие ручные лоточки ничем не прикрытые,—от них валил пар и прельщал покупателей луковым запахом.

В скоромные дни блины выносились в закрытых ящиках, скоромные блины были выпечены с яйцами и смазаны топленым маслом. Те и другие блины стоили по 1 копейке штука.

Все эти торговцы имели стоянки в таких местах, где было больше мастерового люда, или около стоянок ломовых извозчиков,—на углах переулков, на площадях и около питейных заведений, т.-е. кабаков, где всю эту снедь покупали на закуску заходившие в кабаки, в которых водка продавалась «распивочно и на вынос»,—как значилось на вывесках

этих кабаков,—так можно было подойти к стойке и за пятачок выпить стакан водки. Закуски во многих кабаках не полагалось никакой, кроме кусочка черного хлеба с солью, но к настойкам и наливкам давались на закуску крохотные мятные прянички.

Эти прянички напомнили мне мое детство,—когда мне было 6—7 лет, отец брал меня по субботам с собою в баню: ездили мы всегда на извозчике. Против нашего дома, на углу Псковского переулка, имел стоянку извозчик Юрцев; летом он крестьянствовал в деревне, а по зимам приезжал в Москву извозничать. Такие извозчики назывались «зимниками» и «кашниками».

Юрцев был небольшого роста добродушный старичок, и лошадка у него была небольшая—крестьянская. Все зарядские жители знали Юрцева, и он знал всех, нанимали его не торгуясь, и он не брал лишнего: из Зарядья до Суконных бань, около Каменного моста ему платили двугривенный, за эту же цену он отвозил и обратно, дожидаясь на банном дворе, пока седок вымоется в бане.

Бывало выходим мы из бани, Юрьцев увидит нас и кричит: «здесь я—пожалуйте. С легким паром».

Садимся в санки, едем по Софийской набережной, по дороге свертываем в переулок, который ведет на Болотную площадь,—в этом переулке находилось распивочное питейное заведение,—под'езжаем к нему; отец с Юрцевым уходят в заведение, а я остаюсь караулить лошадь. Сижу в санках, держу узелок

с бельем, завязанным в ситцевый платок, и веник, которым отец парился в бане.

Отец всегда привозил из бани веник для домашних надобностей—пол выметать. Веники продавались в банях по копейке штука. Через минут 10 отец с Юрцевым выходили из заведения и выносили мне несколько мятных пряников.

Мы ехали по Софийской набережной, я сидел рядом с отцом. Воротник моей шубы был поднят и сверху повязан ситцовым платком, чтобы не простудиться.

Когда проезжали мимо большого дома Кокоревского подворья, я наблюдал, как в окнах нижнего этажа отражаются огоньки зажженных керосиновых ламп в уличных фонарях; огоньки тянулись длинной лентой и то поднимались, то опускались...

* * *

Мастера и ученики ходили в баню через каждые две недели. Хозяева выдавали ученикам по 5 копеек на баню и покупали мыла. Мастера ходили в баню за свой счет.

Бань, расположенных по Москве реке, было несколько—кроме Суконных бань, за Каменным мостом на набережной около построенного после Храма Спасителя, существовали старинные бани купца Горячева, которые в 80-х годах назывались Каменновскими.

В то время местность около этих бань была совершенно неблагоустроенной: стояли какие-то низ-

кие полуразвалившиеся здания с подозрительного типа трактирами и питейными заведениями—притонами людей подозрительной репутации. Берег реки не был еще обложен гранитом. Местность эта называлась «Волчьей долиной», по ней в позднее время обыватели боялись проходить.

При впадении реки Яузы в реку Москву и до сих пор стоит низкое каменное здание, в котором помещались Устинские бани. Еще были бани у Бабьегородской плотины. Когда-то существовали бани у Москворецкого моста, я сам не помню, но мне рассказывали, что в этих банях мужчины и женщины мылись вместе.

В самом центре города находилось несколько бань: на месте теперешних Центральных бань находились Китайские бани, а против них, где теперь построено огромное здание—бывшая гостиница «Метрополь», Челышевские бани. Сундуновские бани, на Неглинном проезде, построены генералом Ганецким—героем Русско-Турецкой войны 1877 года. Это владение принадлежало Фирсановой, мужем которой был Ганецкий. Новые Сундуновские бани построены на месте старинных бань, носивших то же название.

Каменновские бани отличались тем, что из них в летнее время по крытому ходу можно было попасть прямо на Москву-реку в специально для моющихся выстроенные купальни. Зимой же из горячей бани был выход на особый, огороженный забором дворик, куда крепкие натуры москвичей прямо с полка выбегали охладиться прямо на снег.

Большинство моющихся в банях мочалок с собой не приносило, а находило их там же, в банях; те же, кто вымылся, оставлял мочалки для других. В горячих банях были устроены полки для парящихся и каменка с раскаленными камнями, на которую парящиеся плескали воду из шаек,—вода на горячих камнях быстро испарялась и наполняла баню горячим паром. Иногда так наподдадут пару, что дух захватывает, а какой-нибудь москвич, любитель попариться, забирается на самый верх, под потолок, хлещет раскрасневшееся, потное тело горячим веником и кричит: «Поддай еще парку-то».

В горячих банях стояли чаны с холодной водой, которой окачивались парящиеся.

Следует отметить особенность обстановки прежних бань. Бани разделялись на простонародные и дворянские: в простонародных банях сиденья для раздевания были жесткие, шайки для мытья простые деревянные одноручные; в дворянских же—шайки были двухручные, окрашенные масляной краской, а в последнее время из оцинкованного железа, сиденья в раздевальнях—мягкие, покрытые белыми простынями.

Кроме того, все стены в раздевальнях дворянских бань были расписаны пейзажами, с причудливыми замками с фонтанами, садами с необыкновенными деревьями или сценами из охотничьей жизни—охотой на медведей с рогатиной, на львов, тигров и др. сюжетами.

Меня, мальчика, эти картины очень интересовали, и я всегда с большим удовольствием собирался с отцом в баню.

В московских банях существовал такой обычай: в начале масляной недели раздевальщики поздравляли своих посетителей с широкой масляницей, и поздравления эти происходили не просто,—раздевальщики подносили посетителям специально приготовленное—в роде макета, изображение масляничного гулянья: на доске были устроены из ваты снежные горы, обсаженные по сторонам елками, восковые фигуры людей уселись в санках и катятся с горы. Внизу, под горой стоит кукольный домик с вывеской «Свидание друзей», это—питейное заведение, около которого с гармониками пляшут разгулявшиеся на масляните фигурки людей.

В некоторых банях был еще такой обычай поздравления: к выпарившемуся в бане посетителю раздевальщики подходили со стаканом кваса на подносе и поздравлениями «с легким паром и с широкой масляницей».

Перед рождеством банщики поздравляли посетителей с другим макетом, изображавшим «Вертеп», в котором родился Христос.

Посетители клали «чаевые» деньги прямо в «снеговые горы» или в «вертеп».

Раздевальщики были и мозольными операторами.

— Ну-ка, порежь мне мозоли, скажет выпарившийся в бане. Раздевальщик приносил табуретку, ставил на нее зажженную свечу, посетитель клал ногу на табуретку, как на операционный стол, и раздевальщик начинал бритвой срезать мозоли.

Банщики знали всех своих посетителей, и если кого не замечали в банях перед масляницей или

перед Рождеством, ходили к ним поздравлять на дом. В богатых купеческих домах им выносили на кухню угощение с вином и «чаевые» деньги. К раздевальщикам присоединялись и парельщики, у которых в дворянских банях были свои места с легкими тростниковыми подстилками, на которых они мыли посетителей за особую плату—за 10—15 копеек.

Плата же в банях взималась по размерам: в простонародных—5 копеек, в дворянскх—10 копеек.

Говоря о банях, следует вспомнить и о купальнях—их в летнее время на Москве-реке было много,—большинство из них находилось около мостов: Каменного, Москворецкого, Крымского, Краснохолмского, Бородинского в Дорогомилове и около Устинского моста.

Купальни были также простонародные и дворянские с платой от 3 до 10 копеек.

Дворянские купальни отличались чистотой раздевален, были просторней и украшены живыми цветами вокруг купальни.

При купальнях, как и при банях, имелись отдельные номера.

На окраинах города у спусков к реке москвичи купались прямо с берега. В таких местах особенно много было купающихся в летние праздничные дни.

* * *

Кроме разносчиков пищевых продуктов, обслуживающих мастеровых, на улицах можно было встретить продавцов кваса и вареной груши: на лотках горкой

была наложена груша и тут же стоял боченок с квасом; по зимам эти разносчики развозили свой товар на маленьких санках, выкрикивая: «вот квас и груша вареная»!

По летам приезжали из Владимирской губернии клюквенники. Клюкву разносили в круглых лубяных лукошках, и чтобы она была холодная, клали в нее лед. Накладывали клюкву на маленькие глиняные блюдечки и поливали жидким медом. Блюдечко клюквы стоило 1 копейку и являлось действительно прохладительным средством в жаркие летние дни.

Эти разносчики так рекомендовали свой товар: «Владимирская, крупная, отборная, самая холодная клюква»!

Осенью клюкву продавали с возов вместе со свежими орехами.

* * *

Кроме головных лавок в Зарядье было много пирожников—одни из них выпекали жареные пирожки с самой разнообразной начинкой: в мясоеды—с мясом, с ливером, с капустой—яйцами, с молочной кашей, с творогом, а в постные—с рисом—рыбой, с капустой—луком, с грибами, с вареньем. Такие пирожки стоили 5 копеек пара. Выпекались еще подовые пирожки с мясом, с рисом, изюмом, с творогом и небольшие пирожки, в роде ушков, начиненные мясом с луком; эти пирожки разносились в особых ящиках, внутри которых находились металлические бачки,—в них-то в растопленном горячем масле и плавали эти пирожки.

Торговец прямо руками доставал их оттуда и подавал покупателю. Пирожки эти были очень маленькие, но вкусные и продавались по одной копейке. Очень были распространены пирожки-расстегайчики, в скоромные дни они выпекались с мясом—луком, а в постные—с кусочками белуги, семги и с жирами, т.-е. с молоками; начинка лежала незакрытая тестом; пирожок как будто был расстегнут, отчего и получил свое название. Расстегайчик клался на блюдечко, посыпался солью, перцем, смазывался несколькими каплями масла и заливался подливкой из рыбного или мясного бульона, который держался в особых металлических луженых кувшинах с узким и длинным горлышком. Кувшины закутывались тряпками, чтобы подливка не остывала. Расстегайчики продавались по 1 копейке и по 2 копейки, смотря по величине.

Торговля расстегайчиками сохранилась и до сего времени, точно так же как и торговля пышками, которые жарились на постном масле и посыпались сахарной пудрой.

Но пирожки мало употреблялись мастеровым людом, и пирожники относили свой товар в торговые места—на Ильинку, Варварку, в Старые ряды. Пирожники имели стоянку, главным образом, около столбов, колонн, находившихся у Ножевой линии, в Старых рядах, как раз против памятника Минину и Пожарскому.

Я помню Старые ряды, которые находились там же, где теперь выстроены новые ряды.

Ряды разделялись на Верхние, Средние и Нижние. Верхние ряды занимали пространство между Николь-

ской и Ильинкой. Средние—между Ильинкой и Варваркой, а Нижние—спускались от Варварки вниз к Зарядью, в них преобладали юхотные торговли купцов Бахрушиных, Жемочкиных, Нюниных. Нижние ряды соприкасались с Москворецкой улицей, на которой были сосредоточены торговли воском и восковыми свечами, шорным товаром и семенами. На Москворецкую улицу из Нижних рядов выходил Медовый ряд.

Старые ряды представляли из себя мрачное здание с массой торговых помещений в лабиринте линий—именно рядов, носивших название по тому ряду товаров, которые в них продавались.

Правда некоторые ряды, сохранившие свое название с отдаленного прошлого, в последнее время не торговали теми товарами, от которых получили свое название—так «Ножевая линия» вела торговлю модными и галантерейными товарами.

Эта линия лет 50 тому назад, когда в Москве еще не было пассажей, служила излюбленным местом для московских купчих, покупавших там модные товары. И приказчики этой линии были особые,—они не одевались в длинно-полые—«русские» сюртуки и в сапоги с высокими голенищами «бутылками», не носили картузов с лаковыми козырьками,—они одевались по-модному: носили брюки на выпуск, шляпы котелками и в большие праздники даже надевали цилиндры.

Типы этих приказчиков описаны в известной комедии-водевиле: «Жених из Ножевой линии». Остальные ряды до последних дней сохранили свое

первоначальное название по роду товаров:—«Суровской», «Скобяной», «Игольный», «Сундучный», «Москательный», «Панской», «Игрушечный», «Шелковый».

Все помещения в рядах не имели отопления, и там по зимам можно было наблюдать сцены, не раз изображенные на картинах наших художников: купцы, одетые в лисьи шубы, у своих лавок играют в шашки, или потешаются над разорившимся и впавшим в нищету своим братом-купцом — типом Любима Торцева.

В крепкие морозы приказчики устраивали в рядах своеобразную грелку: они брали длинную, толстую веревку, ухватывались за ее концы и тянули друг к другу. Только в последнее время в некоторых торговых помещениях стали устраиваться небольшие застекленные теплушки, обогреваемые лампами.

Но к Верхним рядам на Ильинке примыкали другие ряды, помещения которых отапливались, почему и ряды назывались «Теплыми»; в них были сосредоточены торговли богатых фирм мануфактуристов, шелковых фабрикантов, золотых и серебрянных изделий, меховщиков, а на самой Ильинке в небольших помещениях сидели менялы, операции которых, главным образом, состояли в размене купонов и серий с досрочно обрезанными купонами. Менялы были очень богатые люди и почти все скопцы.

На Никольской улице, кроме букинистов, сосредоточивших свои торговли у Владимирских ворот, было много магазинов парчевыми товарами и церковной утварью.

По рядам ходили разносчики и носили на головах лотки с горячей ветчиной и телятиной, выкрикивая: «кипит телятина». Продавались яйца в смятку, сухари, баранки; особенно славились «чуевские городские сухари». Ходили пирожники с пирожками. Все это употреблялось, большей частью, приказчиками, хозяева же ходили завтракать в трактиры—к Бубнову, находившемуся в Теплых рядах, и к Лопашеву—на Варварку. Когда же в купечестве стали исчезать типы Островского и появилось новое, молодое купечество, оно стало посещать завтраки в Славянском базаре (гостинице, находившейся на Никольской улице и обставленной по европейскому образцу).

Летом по рядам ходили квасники с стеклянными кувшинами со стаканами, продавали клюквенный и лимонный квас. Но особенными квасами и кислыми щами славился Сундучный ряд, где из квасов на первом месте стоял яблочный квас.

Рано утром, когда многие торговли не были открыты, в рядах можно было видеть разносчиков с длинными узкими лотками на головах; они не выкрикивали свой товар, а молча подходили к запертым лавкам, спускали с головы лоток, резали на нем мелкими кусками мясо, завертывали в бумажку и подсовывали под затвор запертой лавки. Это—кошатники—торговцы мясом для кошек.

Многие торговцы имели в своих лавках кошек,—вот их-то и кормили кошатники. По абонементу, месячное прокормление кошки стоило 60—75 к.

И теперь существуют (кошатники), которые не только доставляют корм кошкам, но могут доставить по заказу любую кошку.

Старые ряды представляли собой действительно настоящие лабиринты: неопытный человек, попавший в них первый раз, мог легко запутаться и не скоро выбраться, благодаря тупикам, образовавшимся оттого, что многие ряды, как я это помню, в конце 70-х годов пришли в ветхость и стали разрушаться, поэтому проходы по ним были закрыты.

Меня, мальчика лет 9—10, отец часто посылал в ряды за покупкой портновского приклада, и я иногда запутывался в рядах, не находя выхода, и вместо того, чтобы выйти на Ильинку, выходил на Никольскую и оттуда уже по Красной площади выходил на Москворецкую улицу и Мокринским переулком попадал в Зарядье.

Когда закрыли Старые ряды и предназначили их к сломке, торговли из них были переведены во временные ряды, построенные из волнистого железа на Красной площади. Когда же были выстроены новые ряды, то временные ряды были перенесены на Болотную площадь, где в настоящее время сосредоточены рыбные, фруктовые и овощные торговли.

В летние месяцы, когда начинают поспевать ягоды, Болотная площадь превращается в ягодный рынок. Подмосковные крестьяне привозят сюда целые воза клубники, крыжовника, смородины, вишни. Вишня, главным образом, привозится из местности около Воробьевых гор, где почти в каждой деревне есть большие вишневые сады.

* * *

«Городом» на языке москвичей называлась та часть Москвы, которая заключала в себе торговые ряды и прилегающие к ним улицы—Ильинку, Варварку, Никольскую и Москворецкую. Между прочим, на Москворецкой улице находился «Ямской приказ»—это очень старое здание, расположенное в середине Москворецкой улицы по правой стороне ее, если итти от собора Василия Блаженного к Москворецкому мосту. «Ямской приказ» был заселен кимряками-сапожниками, кустарями-одиночками или работавшими по два, по три вместе. В одном помещении находилось несколько хозяйчиков-кустарей.

Когда в «Ямской приказ» являлся покупатель, на него со всех сторон набрасывались продавцы и тянули покупателя всякий к себе, расхваливая свой товар.

Когда же из ремесленной или городской Управы являлся чиновник для проверки промысловых свидетельств, то он никак не мог отыскать хозяев.

Вообще при проверки промысловых свидетельств у всех мастеровых ремесленников происходили любопытные сцены: как только в какой-нибудь дом, заселенный ремесленниками, появлялся чиновник для проверки числа наемных рабочих у того или другого хозяина, во всем доме начиналась тревога: хозяева, чтобы уменьшить число рабочих, начинали их всячески прятать—портные залезали под катки, сапожники выбегали в сени и прятались по чуланам, залезали

на чердаки, на крыши... Когда чиновник уходил, все успокаивалось и мастера принимались за работу...

Обувь в «Ямском приказе» вырабатывалась самая дешевая; судя по ценам, качество ее было не высоко. Бывало так: купит покупатель сапоги, наденет их, пойдет домой и, не доходя до дому, у него отваливались подметки...

Все же этот дешевый товар находил в Москве много покупателей. Как теперь многие производства снабжают своих рабочих спецодеждой, так и прежде многие хозяева держали рабочих с условием выдавать им обувь,—вот эту обувь и покупали в «Ямском приказе», так как дешевле нигде нельзя было достать.

Дешевым теплым товаром производилась торговля еще около Кремлевской стены,—вниз от Спасских ворот к Москве-реке стоял ряд палаток с чулками, варежками, шарфами, фуфайками ручной вязки. Торговки этим товаром тут же и изготовляли его, сидя за вязанием у своих палаток. Некоторые торговки продавали свой товар с рук и ходили обвешанные чулками, шарфами, платками.

Между прочим, следует отметить один обычай, существовавший до последнего времени,—это обнажать голову, проходя Спасские ворота. Этот обычай касался только одних Спасских ворот, в другие же ворота входили в Кремль с покрытыми головами.

Об‘яснялся этот обычай разными легендами: одна из них говорит о том, что при избрании на царство царя Михаила Романова, когда он с боярами выходил на Красную площадь через Спасские ворота, держа

в руках свечу, то эта свеча в воротах сама собой зажглась. Как эта легенда связалась с обычаем обнажать головы—мало понятно.

* * *

Работа в мастерских начиналась в 5—6 часов утра. Хозяин вставал раньше всех, выходил в мастерскую и начинал будить мастеров. Проснувшись и умывшись, мастера уходили в трактир пить чай, а ученики прибирали мастерскую,—чая им не полагалось.

В конце 60-х годов в Зарядье не было ни одного дешевого трактира; единственный близлежащий трактир находился по ту сторону Москворецкого моста, в доме Горюнова, рядом с домом Ланина.

Утренний чай был на хозяйский счет, но некоторые хозяева поили мастеров чаем дома. После утреннего чая работа производилась до 12 часов дня. Ровно в 12 часов обедали:—ученики собирали на стол,—резали ломтями хлеб, клали ложки и приносили из кухни в большой деревянной чашке еду, которая в скоромные дни состояла из щей и каши. Мясо из щей разрезалось на мелкие куски и опускалось в чашку. Сначала выхлебывали только жидкость, а потом, по знаку старшего мастера, который стучал ложкой по краю чашки, начинали таскать говядину, при этом следили, чтобы кто-нибудь не выловил двух кусков сразу. Кашу ели с растопленным салом.

После обеда работали до 4-х часов, и снова шли в трактир, но на этот раз уже на свой счет, для этого дневальный ученик отправлялся к хозяину про-

сить денег на чай. Придет ученик в хозяйскую и начнет рапортовать:

— Дяденька, пожалуйте мастерам на чай,—Василию Кривому, Тимофею Ивановичу по гривеннику, Ивану Хромову—15 копеек, а остальным по пятачку.

Хозяин требовал об‘яснения,—почему это Хромову нужно 15 копеек.

Мальчик бежал в мастерскую, спрашивал у Хромова, тот об‘яснял что ему нужны деньги на баню или на табак.

Хозяин выдавал деньги, брал длинную узкую книжку и записывал в нее забор денег мастерами.

В 10 часов ужинали и ложились спать на том же катке, на котором работали. Спали вповалку, но у каждаго была своя постель,—подушка с засаленной, годами нестиранной наволочкой, какая-нибудь войлочная подстилка и грязное ситцевое одеяло.

Все это утром свертывалось, завязывалось и убиралось под каток.

Работы в мастерских до 10 часов вечера производились не во все время года,—работали до 10 часов от сентября до пасхи. После пасхи, пока было светло, работали до 10 часов, а в августе в начале сентября, когда дни становились короче, сидели только до темна, огня не зажигали. Ужинали рано, после ужина спать еще не хотелось, от нечего делать рассказывали друг другу сказки, или какие-нибудь случаи из своей жизни—большей частью приключенческого и таинственного характера. Я любил слушать эти рассказы и сказки,—бывало убежишь из

своей комнаты, ляжешь с мастерами на катке и слушаешь стариков-мастеров о том, что им приходилось видеть в Москве в прежнее время.

Они рассказывали, как преступникам, осужденным на вечную каторгу, об'являлся приговор; для этого преступника из Бутырской тюрьмы привозили на Болотную площадь; его сажали на черную телегу, в середине которой была прикреплена стоймя доска с сидением, на это сидение сажали преступника задом к лошадям; прикручивали ему руки к доске, а на грудь вешали черную доску, на которой белыми буквами была написана вина преступника:—«убийца», «грабитель», «растлитель» и проч. За телегой ехала карета с прокурором; кругом телеги—конные солдаты с обнаженными саблями...

На Болотной площади был выстроен эшафот; привезенного вводили на него, прокурор читал акт обвинения и приговор суда, после этого приговоренного заковывали в кандалы и ссылали в Сибирь...

Рассказывали, как преступников прогоняли «сквозь строй», наказание это производилось на самом месте преступления.

Один мастер рассказывал, как он видел наказание за грабеж на берегу Москвы реки, около Тайницкой башни,—там было совершено ограбление. Преступник был пойман, судим,—его приговорили к сотне ударов, для этого солдаты, находившиеся в Кремлевских казармах, приготовили пучки тонких, гибких прутьев и с этими пучками были выведены на набережную, расставлены в два ряда, на расстоянии шагов трех

друг от друга, человек по 15-ти в каждом ряду. Обе руки преступника привязывались к ложу ружья, за дуло брались два солдата и вели наказуемого между двух рядов солдат.

Как только преступник подходил к первому солдату, тот ударял его по спине прутьями, рубашка была с него снята,—второй солдат делал то же. Когда кончался ряд, спина наказуемого взбухала, чернела, а при обратном прохождении она уже была вся в крови, и кровь брызгами разлеталась от ударов. В концах рядов стояли солдаты с тазами воды, разбавленной уксусом, они обмакивали тряпки в эту воду и смывали кровь со спины наказуемого. И все это делалось под барабанный бой.

Конечно, такие острые зрелища ярко запоминались теми, кому их приходилось видеть, и рассказывались они с мельчайшими подробностями, от которых мне—мальчику было жутко...

Рассказывали старые мастера и о том, как чумаки привозили на волах соль из Крыма; останавливались они на «Соляном дворе», около Болотной площади; а на самую Болотную площадь приезжали сибирские крестьяне и привозили целые воза мороженых рябчиков и другой дичи. Они распродавали привезенный товар вместе с лошадьми и повозками, оставляли себе только часть лошадей и на них уезжали к себе домой

А лошадей обыкновенно продавали на «Конной площади» близь Калужских ворот,—там продавцами и покупателями были главным образом цыгане, кото-

рые покупали бракованных лошадей, исправляли их известными только им способами и продавали за хороших...

Перед рождеством «Конная площадь» превращалась в мясной базар;—туда целыми тушами привозились свиньи, поросята, баранина и битая мороженая птица.

Цены были дешевле лавочных, почему московские хозяйки ездили туда закупать мясо на праздники.

Рассказы стариков ярко запечатлелись в моей памяти, — но когда я начал учиться и поступил в Городское училище, то и сам принимал участие в беседе с мастерами,—читал им Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», «Мороз—Красный нос», «Коробейников». Мастерам очень нравился Некрасов, они запоминали многие места из поэм.

Может быть это был один из тех путей, по которым Некрасовские стихи входили в народ в форме песен...

* * *

В первой половине сентября у мастеровых происходили «засидки», т.-е. начинали работать по вечерам с огнем до 10 часов вечера.

«Засидки» происходили у разных ремесленников в разные числа сентября, но большинство из них было приурочено к 8-му сентября, — к празднику рождества богородицы.

С утра ученики приготовляли убранные на лето лампы,—мыли их, протирали зонты от пыли, чистили

щетками-ершами стекла; эти щетки назывались еще «султанами». Бывали при этом инциденты:—одно, два стекла оказывались разбитыми, ученики заявляли об этом хозяину, тот ругался, но в своих интересах покупал новые стекла.

Вечером в день «засидок» одна из ламп в мастерской зажигалась и подвешивалась к потолку, во время же работы лампы спускались на толстых проволочных прутьях ниже к катку, — около них мастера усаживались в кружок. Все мастера и ученики были в сборе,—дожидались выхода хозяина.

Но вот из хозяйской начинали выносить «угощение»:—яблоки, нарезанный ломтями арбуз, хлеб, колбасу и четвертную водки; появлялся хозяин—становился перед иконой, перед которой была зажжена лампадка, и начинал истово креститься. Все следовали его примеру. Окончив молитву, хозяин наливал стакан водки, выпивал его и приглашал выпить мастеров, потом доставал кошелек, отсчитывал по 30—40 копеек, на каждого мастера, а ученикам по пятачку,—и уходил к себе на хозяйскую, где у него в этот день собирались гости.

Мастера допивали четвертную, отправлялись в трактир, а ученики доедали угощение, пили чай и садились играть в засаленные карты,—«в короли», «в свои козыри» или «по носам». Иногда затевали и денежную игру в «три листика» со ставкой по грошу.

Часа через два-три мастера по одному, по два начинали возвращаться в мастерскую, едва держась

на ногах, ложились не раздеваясь на каток, или прямо засыпали на полу.

На другой день наступало похмелье, мастера начинали разыскивать деньги на водку, посылали к хозяину, он выдавал очень мало, или совсем отказывал в выдаче. Тогда начиналась ликвидация рубашек, сапог, пиджаков. Сейчас же ученик снаряжался к закладчице, а их в Зарядье можно было найти в каждом доме, — у них были целые склады заложенных вещей. Вещи принимались без всяких расписок и большинство из них не выкупались и оставались у закладчиц. У этих закладчиц всегда имелись готовые «сменки»: посылает какой-нибудь мастер заложить почти новые, крепкие сапоги, закладчица даст на смену сапоги похуже и рубль, полтора денег; когда эти деньги пропивались, первая «сменка» снова посылалась к закладчице,—она давала вторую «сменку»—еще похуже и уже несколько копеек денег.

Так доходило до того, что последней «сменкой» были опорки.

То же самое проделывалось с пиджаками и рубашками...

У других мастеровых, как, например, у столяров, ритуал «засидок» несколько отличался от прочих, потому что при столярной работе по вечерам употреблялись не лампы, а свечи,—сначала были сальные свечи, а потом стеариновые, называвшиеся «экономическими». Во время «засидок» у столяров, подсвечниками служила репа: в середине репы вырезалось отверстие, в которое вставлялась свеча. Также

выходил хозяин, молился перед иконой, угощал мастеров водкой. Когда выпивали по первому стакану, то остатками капель водки гасили свечи, кроме одной. С этой свечей один из мастеров подходил к верстаку и наскоро делал деревянный подсвечник,— это считалось первой работой во время «засидок».

И снова зажигались свечи, наливалось вино в стаканы, и хозяин произносил назидательное слово, чтобы мастера успешнее работали зиму, себе на пользу и ему—хозяину не в убыток.

Пьянство после «засидок», продолжалось 3—4 дня, и когда все было пропито, мастера принимались за работу, а хозяин записывал в книжку прогульные дни и при расчете вычитал за них из жалованья.

Жалованье мастера получали от 5 до 15 рублей в месяц на хозяйских харчах и квартире, но к 80-м годам стала вводиться поштучная плата, поэтому первое время мастера разделялись на штучников и месячников.

Расчеты производились 4 раза в год,—перед пасхой, рождеством, масляницей и перед Петровым днем, когда большинство мастерового люда уезжало в деревни на праздники и на покос—летние крестьянские работы, после которых они возвращались в Москву только в середине августа.

Да и в Москве в летний период работы было не так много: помещики и богатые люди, приезжающие в Москву на зимний сезон, уезжали в свои имения, а большинство купечества и торгового люда уезжало на Нижегородскую—Макариевскую ярмарку.

При расчете мастеров с хозяевами происходили следующие сцены: хозяин сидит у себя в хозяйской и подсчитывает полученные за заказы деньги. Мастера толпятся в мастерской, переговариваются:

— Ну что-ж,—идти что-ль?—говорит один.

— Иди, иди — поощряют другие,—а потом и мы пойдем.

Мастер несмело входит в хозяйскую.

— В деревню чтоли едешь? — спрашивает хозяин.

— Да надо с‘ездить—на Фоминой вернусь...

— Знаем мы вас, — вернетесь! Жди вас!.. Видишь, какое тепло-то стоит, работа пойдет, летний заказ... —соображает хозяин.

— Да это, конечно, это так,—соглашается мастер, —только в деревне-то надо бы кое-что подготовить,— баба-то одна там с ребятишками.

— Ну, давай подсчитаемся. Только на Фоминой обязательно приезжай, а то разочту совсем.

И хозяин берет длинную, узкую книжку, отыскивает страницу мастера и начинает на счетах подсчитывать забор денег.

— Ну вот,—говорит он,—к посту оставалось за тобой пять рублей, да эвона сколько пятачков, да гривенников нащелкал, да еще 4 дня прогулял. Дома, в деревне, говоришь,—нужда, хлеба нет, скотину кормить нечем, а сам тут каждый день чаи распивает...

Такую нотацию делает хозяин мастеру, в котором не очень нуждается. По подсчету мастеру приходится 4 — 5 рублей, а с такими деньгами ехать

в деревню нельзя и вот со стороны мастера начиналось упрашивание денег вперед.

— Жена, ребятишки... Картошка нынче неуродилась... Ей-богу отработаю...

Божился мастер, но хозяин был упорен и никак не соглашался дать мастеру просимую сумму. Наконец сходились на 6—7 рублях. Мастер получал деньги, выходил в мастерскую и долго считал их, потому что в то время много ходило елизаветинского и екатерининского серебра; монеты были сделаны из мягкого металла и от хождения так стирались, что трудно было разобрать—какая монета двугривенный, какая четвертак;—ценность монет определялась по точкам на монетах,—если они сохранились и не стерлись:—4 точки были на двугривенном и 5 точек на четвертаке.

В хождении были полтинники и рубли такие же стертые. Эти деньги назывались «слепыми».

Хороший, выгодный для хозяина мастер шел в хозяйскую смело и хозяин не отказывал в выдаче ему 15—20 рублей вперед.

После расчета мастера спешили закупить гостинцев для деревни, а если у кого был хороший заработок, то и подарков—ситцу, платков,

Почти каждый мастер увозил с собой в деревню лубочные картины. В 50—60 годах эти картины распространялись по деревням офенями; в 70-е же и 80-е года офени с лубочными картинами и книжками ходили по трактирам и мастерским, но главный рынок их был на Никольской улице у издателей

Морозова, Леухина, Манухина, Абрамова, Коновалова и др. В то время в первые годы своей деятельности, издателем-лубочником был и И. Д. Сытин.

Картины и книжки продавались в лавках этих издателей и под воротами.

Картины были «божественные», т.-е. духовного содержания, как напр., «Хождение души человеческой по мукам», «Смерть грешника», «Страшный суд», «Чудеса Николая-угодника», «Вид Афонской горы» и проч. Светские картины изображали современные события, или сцены тропических стран — охота на львов, тигров, слонов; были картины с сюжетами на русские песни: «Не брани меня родная», «Песня о Комаринском мужике»... К старинным лубочным картинам принадлежала: «Как мыши кота хоронили».

Особенно много выпускалось лубочных картин в Русско-Турецкую войну в 1877 году и в Русско-Японскую в 1904 году.

Кроме того, картинами духовного содержания торговали греки, которые были одеты в монашескую одежду и называли себя монахами с Афонской горы,— они ходили по домам с чемоданами, наполненными образками, крестиками, ладаном, пузырьками с деревянным маслом, серебряными кольцами с именами святых и прочими предметами святостей, яко бы с «Афонской горы»; но почему то картины у них были в издании не наших московских лубочников, а варшавского изделия, и святые на этих картинах были католического образца.

Закупив гостинцы и подарки, мастера укладывали их в сумки и, перекинув их через плечо, отправлялись на вокзал.

Ученики также, хотя один раз в год, отправлялись в деревню. Особенно тянуло в деревню только что приведенных учеников, они еще не освоились с городом, у них еще были живы воспоминания о деревенской жизни, которая ярко вставала перед ними в такой праздник, как Пасха, когда в деревне начинала оживать природа.

За учениками приезжали родные и отпрашивали их у хозяина погостить в деревне неделю.

Хороших учеников, проживших 2—3 года, хозяин всячески поощрял, покупал им к празднику кумачевые рубашки, давал им денег на дорогу и отпускал в деревню. Делал он это из своей выгоды, чтобы удержать ученика до окончания срока учения, а то бывали такие случаи, что хороший ученик за год до окончания срока учения уходил от хозяина, у которого учился, и находил себе место за жалованье у другого.

Не редко ученики, привезенные из деревни, скучая по ней, совершали побеги домой. Это, конечно, могли делать только те, которые были привезены из близлежащих к Москве уездов. Но отцы вновь приводили их к хозяину. Более строгие хозяева тут же при отце задавали им порку.

Порки розгами вообще в мастерских происходили не редко,—пороли учеников за каждую провинность: иногда это делали сами хозяева, а иногда выискивались любители порки из мастеров.

На праздник в мастерской оставались только одни ученики, не отпущенные хозяином в деревню. Мастерская была прибрана, пол и каток вымыты, протерты стекла в рамах, на иконе висел новый венчик из бумажных цветов, зажжена лампадка. Вечером перед праздником хозяйка посылала кого-нибудь из учеников в лавку за деревянным маслом для лампад.

— Васька,—говорила она,—сбегай за деревянным маслом,—возьми полфунта за 7 копеек для мастерской и фунт за 25 копеек, да скажи, чтобы хорошего дали,—для хозяев, мол...

Всю пасхальную неделю никаких работ в мастерских не производилось. Единственным утешением учеников была игра в бабки,—это напоминало им деревню.

Вообще среди мастеровых игра в бабки в то время была очень развита. Бабки продавались даже в овощных лавках,—на копейку там давали $3^1/_2$ гнезда, т. е. семь бабок. Игры были «в загонки», «в кон за кон», «в каретку»...

В игре в бабки принимали участие и взрослые. В настоящее время игра в бабки совершенно исчезла. Большое удовольствие доставляло ученикам, жившим возле центра города, путешествие в Кремль. В таких случаях я всегда был их спутником. Мы лазили на колокольню Ивана Великого,—за это звонари брали по пятачку с человека, осматривали «Царь Пушку» «Царь Колокол»,—слушали рассказы, собравшихся около него, как этот колокол упал с колокольни, своей тяжестью зарылся в землю и пролежал в ней много лет, а потом был вынут из земли и по-

ставлен на каменный фундамент. Тут же около Царя Колокола лежал и отбившийся при падении край его и огромный железный язык.

Ходили около арсенала, рассматривали пушки разных форм, отбитые у французов в войну 1812 г. Мы проходили близко к пушкам, всовывали в их дула руки;—медные пушки, разогретые весенним солнцем, были теплы снаружи, а из дул веяло холодом... Особенно поражала нас своим длинным дулом пушка «Единорог», стоявшая на углу Арсенала у Боровицких ворот, но, кажется, пушка эта не была отбита у неприятеля, а русского производства.

Нагулявшись по Кремлю, мы, через Тайницкую башню, на которой стояли пушки, стрелявшие в царские дни 101 выстрел, выходили на набережную Москвы реки. По набережной было много торговцев праздничными товарами: орехами, подсолнухами, пряниками, леденцами, конфетами,—прозрачные, красного цвета леденцы имели форму петушков, казаков на конях и просто коньков. Пряники продавались разных сортов,—мятные, в форме пластинок, и круглые, мелкие вяземские и были еще пряники, выпеченные из пеклеванной муки, твердые и невкусные, имевшие форму узких пластинок вершка в два с половиной, их мало покупали для еды, но они служили для игры.

Игра в эти пряники состояла в том, чтобы игрок, ударивши этот пряник о край лотка, переломил его на две части. Дело в том, что пряники эти были или очень сухи, или очень волглы; в первом случае—

пряник разлетался на несколько частей, а во втором—вовсе не переламывался. Игрок, переломивший пряник на две части, получал его бесплатно, а в других случаях проигрывал копейку. У Москворецкого и Каменного мостов стояли сбитеньщики. Сбитеньщик представлял из себя какого то странного, вооруженного человека,—с одного бока у него висела на веревке связка калачей, с другого бока сумка с углями, спереди, в особо устроенном приспособлении в виде патронаша, находился ряд стаканчиков из толстого стекла,—такие стаканы с горячим сбитнем не обжигали рук. В руках сбитеньщик держал круглой формы самовар с ручкой. Сбитень продавался по одной копейке за стакан, приготовлялся он из патоки, но в прежнее время сбитень приготовлялся по особому рецепту, в состав которого входил мед, трава зверобой, шалфей, корни фиалки, имбирь, стручковый перец и другие пряности. Были специалисты, которые занимались приготовлением этого набора для сбитня...

Сбитеньщиков было особенно много в зимнее время около театров,—сбитнем грелись кучера, дожидающиеся выхода своих господ из театров.

* * *

Великий пост—самое деловое, горячее время, почти у всех мастеровых. Никогда ни к какому празднику не заказывалось и не покупалось столько вещей, как к пасхе.

Считалось обычаем обновить одежду именно на пасху.

В мастерских великим постом чувствовался деловой тон: как ни любили мастеровые петь песни, светские песни великим постом прекращались, дозволялось петь только духовные песни,—стихи про «Бедного и богатого Лазарей», про—«Алексея, божьего человека», и пр.; пение других песен считалось грехом.

Вообще религиозное настроение, хотя несознательное, а внедренное старым бытом, обычаями, преданиями, держалось в простом народе крепко. Примером может служить обычай—окунуться в прорубь на Москве реке, в день водоосвящения 6 января, в праздник Крещения. Это обозначало, очиститься от грехов, но такое купание предпринимали те, кто на святках рядился, т. е. надевал на себя маску,—«личину». А москвичи любили рядиться, а особенно купечество и не редко на улицах можно было встретить тройки с ряжеными, раз‘езжающими по знакомым домам. Рядились и мастеровые, но не так богато и остроумно.

Вообще старые обычаи от отцов и дедов в московском купечестве держались крепко. Купцы любили покутить—с‘ездить к цыганам, сытно поесть, выпить, строго соблюдая посты, и в то же время—обсчитать, обмерить, прижать кого—нибудь, как говорится «к стенке», «выворотить кафтан», т. е. не заплатить долгов.

И хотя купцы, с религиозной точки зрения, все это считали грехом, и таких грехов у них накапливалось много, но для того, чтобы откупиться перед

богом от этих грехов, у них было много и средств: они умели и попоститься во время, и помолиться, а капиталы дозволяли им делать добрые дела, вот отсюда то и возникла широкая купеческая благотворительность.

Купец, живя и греша, чувствовал, что его счастье и благосостояние строятся на тех, кто слаб, беспомощен, несчастлив, и купцы не забывали этих несчастных, и как в старину цари московские в известное время сами посещали тюрьмы и раздавали подаяния заключенным, так и в купечестве сохранился обычай к большим праздникам посылать в тюрьмы и места заключения—подаяния,—чай, сахар, калачи эти подаяния привозились целыми возами.

В Москве существовало интересное место заключения—так называемая «Яма», помещавшееся около Иверских ворот, куда сажали несостоятельных должников. Купец, переведет на имя жены дома, имущество, останется как будто ни с чем и об'явит себя несостоятельным. Своих кредиторов пригласит на «чашку чая» и предложит им получить в уплату долгов гривенник, пятиалтынный за рубль. Иногда кредиторы согласятся на эту сделку, а иногда не согласятся, тогда дело передается в суд, суд об'являет его несостоятельным должником. Оставшееся имущество описывается и распродается, вырученные деньги распределяются между кредиторами, а купца неплательщика сажают в «Яму».

Интересно отметить, что за содержание в «Яме» несостоятельного должника платили его кредиторы,

так что от них зависело, сколько времени продержать в заключении неплательщика.

К праздникам и туда купцы посылали подаяние и даже более изысканное,—кроме калачей, например, на пасху,—куличи, окорока ветчины, памятуя, что эти «несчастные» были когда то хлебосолами и широко угощали других...

* * *

В Москве, говорят, сорок сороков церквей, и это близко к истине. Москвичи искони были богомольными людьми. Богачи московские проявляли особенную любовь к благолепию храмов, они делали вклады, вешали колокола, украшали храмы, содержали хоры певчих, приглашали в большие праздники в свои приходы знаменитых протодьяконов, славящихся своими голосами. Эти служители церкви были образованными людьми в музыкальном смысле. Из них в 80-х годах пользовался большой известностью и популярностью соборный протодьякон Иркутский, обладавший феноменальным голосом, а впоследствии—Розов, Шаховцев.

И в настоящее время есть такая знаменитость как Холмогоров, дьякон церкви Никиты-мученика на Гороховом поле. В такие праздничные службы храмы было переполнены не только своими, но и приезжими со всех концов Москвы—любителями церковного благолепия.

Многим монастырям купцы отказывали целые дома, которые назывались подворьями.

Прежнее правительство этих поклонников благолепия храмов и богатых жертвователей всячески поощряло наградами,—медалями, почетными званиями, а высшее духовенство благословением и грамотами.

Бывало какой нибудь ктитор храма, богатый купец, в большой праздник являлся в храм одетым в гражданский мундир с шитым золотом воротником и огромной медалью «за усердие» на яркой ленте, повязанной вокруг шеи. С большим серебряным блюдом шел он по церкви и с легкими поклонами подходил к прихожанам, за ним шел целый ряд сборщиков с кружкой «на украшение храма», потом пономарь, за ним просфирьня, звонарь и какая нибудь старушка из местной богадельни—прислужница при церкви:—она богатой купчихе и коврик подстелет под ноги и стульчик подаст, а по окончании обедни разнесет просфорочки...

Но московские купцы были не только благотворителями в церковной области,—они принимали участие и в городских, общественных делах, и на эти места их выдвигал, конечно, капитал, они были попечителями богаделен, школ, больниц, устроителями музеев, картинных галлерей...

В Москве таких учреждений множество,—одно Девичье поле—этот целый лечебный город может служить показателем, как благотворили московские купцы, не говоря уже о Третьяковской галлерее, Бахрушинском музее, Солдатенковском издательстве создавшими то, что не отыщешь и в Европе.

Много купечества было в Московской городской думе, но среди гласных думы были люди и другого сословия,—мещанства, ремесленников, имена которых были довольно популярны в Москве. Кто из старых москвичей не помнит гласного думы Давида Васильевича Жадаева, имевшего в Зарядье ящичную мастерскую. Или Николая Андреевича Шамина—скорняка по профессии. Он в полном смысле—прирожденный «мемориалист» и «любитель российской словесности»; ни одна юбилейная дата, того или другого писателя, ученого, общественного деятеля не проходила без того, чтобы Николай Андреевич не напоминал об этом Городской Думе. Он до сих пор здравствует и состоит председателем мемориальной комиссии при обществе «Старая Москва», и также предан своему любимому делу.

* * *

Но не одно московское купечество было проникнуто любовью к церковным службам и обрядам, и средний класс—ремесленники, мастеровые, мелкие торговцы считали своей обязанностью посещать каждый праздник церковные службы. Великим постом московские храмы были переполнены говельщиками. Более религиозные ремесленники хозяева посылали своих учеников говеть обыкновенно на первой неделе поста, когда в мастерских еще не так много было работы.

Около Москвы было несколько чтимых мест—монастырей, куда совершались паломничества. На пер-

вом месте стояла Тройце-Сергиевская лавра, находящаяся в 60-ти верстах от Москвы.

Паломничество в лавру совершалось или по железной дороге или пешком. В последнем случае путешествие считалось подвигом и делалось «по обещанию» — одевали лапти, привязывали за плечи котомку, брали палку посошок и шли к «преподобному» с ночевкой на пути в какой нибудь деревне с таким расчетом, чтобы на другой день утром попасть в лавру к ранней обедне.

В Лавре две монастырских гостинницы—Старая и Новая, но они не могли вместить всех прибывающих богомольцев, поэтому в посаде почти в каждом доме отдавались комнаты для ночлега. Содержатели этих комнат к приходу каждого поезда из Москвы выходили к воротам своих домов и зазывали приезжих остановиться у них, расхваливая свои помещения.

По оврагу, не доезжая до Лавры, были расположены палатки—бараки, где выпекались блины и продавались разные закуски. Считалось обычаем в бытность в лавре, побывать в блинных палатках.

Но более состоятельные москвичи привозили с собой кулечки с закуской и выпивкой.

У московского купечества было большое знакомство с монахами; они посещали их кельи, где кроме душеспасительных бесед, можно было найти изрядные запасы наливок, настоек, приготовленных по монастырским рецептам.

Были и другие места, куда совершали паломничество москвичи, не менее популярные, чем Троице-

Сергиевская Лавра, к ним принадлежал Хотьковский монастырь, находящийся в верстах в 10 по пути к Лавре. Старые москвичи считали долгом заехать сначала в Хотьково, поклониться отцу и матери преподобного Сергия, а потом уже и ехать в Лавру.

Савинский монастырь, основанный учеником Сергия—Саввой близ Звенигорода, находящийся в прекрасной местности; монастырь Николы Угреша; Косино недалеко от Москвы с целебными прудами, в которых купались богомольцы, ища исцеления от разных болезней; Екатерининская пустынь, Зосимова пустынь и другие.

Все эти места посещались москвичами большей частью в летнее время, когда богомолье соединялось и с прогулкой за город.

* * *

Москва, несмотря на то, что считалась столичным городом, во многом носила отпечаток провинции: существовала «Сенная площадь», куда подмосковные крестьяне привозили для продажи сено, овес, солому, так как многие москвичи, живущие на окраинах, имели своих коров, водили свиней, кур, гусей, уток, корм для них и покупался на «Сенной площади».

На «Конной площади» цыгане продавали лошадей со всеми приемами глухих провинциальных базаров и ярмарок. По улицам ездили огородники с овощами угольники с угольями, а на первой неделе великого поста начиная с «чистого понедельника» на всю не-

делю открывался грибной рынок. По левому берегу Москвы реки, между Москворецким и Устинским мостом стояли воза, главным образом с грибами—сухими, солеными и отварными и разными овощами—редькой, репой, морковью, луком, кочанной капустой.

В середине базара, около бывшего Воспитательного дома, в палатках торговали медом, изюмом, постным сахаром, яблочной пастилой. Тут же была торговля галантереей и палатки с ситцами, платками, а дальше к Устинскому мосту целые горы глиняной и деревянной посуды.

Торговцы баранками, выпечеными в провинции, над своими возами укрепляли на длинном шесте, вместо вывесок, огромную, в несколько фунтов баранку. У этих торговцев и в продаже имелись такие крупные баранки, что покупатели надевали их через голову на плечи и так разгуливали по базару.

В первые дни на этом базаре можно было встретить самую разнообразную публику: артистов и артисток московских театров,—они в это время были свободны, так как никакие спектакли на русском языке великим постом не разрешались, кроме итальянцев, которые играли в Большом театре.

Впоследствии спектакли были разрешены, кроме первой, четвертой и последней недели поста.

Гуляли по базару студенты университета, тогда носившие форму синих виц-мундиров с золотыми пуговицами, гимназисты, гимназистки, и пр. «чистая» публика, но преобладали замоскворецкие купчихи со своими дочками, приживалками, прислугой,—они при-

езжали на своих лошадях за покупкой великопостных продуктов.

Около открытых боченков с солеными и отварными грибами толпился народ,—пробовали красные боровые рыжики, белые отварные и синеватые грузди.

У встретившихся знакомых друг с другом хозяек только и разговору, что о грибах.

— Здравствуйте,—Маланья Ивановна,—с чистым понедельником вас!

— И вас так же, Марья Сидоровна,—а вы уже и грибков накупили.

— Накупила, матушка, накупила.—Грибки то нынче кусаются.

— Все дорожает. Почем покупали то?

— Да вот пробель по 40 копеек платила, а белые лопаснинские по шесть гривен заламывают. Желтяков для прислуги взяла по 30 копеек, ничего грибки то, сухие.

— А соленых не покупали еще?

— За солеными завтра приеду,—а приторговалась,—белые отварные по 15 коп., грузди по той же цене, а рыжики по гривеннику—хорошие,—мелкие, по пуговке. Сам у меня очень грузди то обожает, с лучком да с маслецем—куда как хорошо,—после бани любит он закусить груздочками-то...

— Да разве вы, Марья Сидоровна, с маслом едите на этой неделе!

— Что вы, что вы, Маланья Ивановна!—За кого же это вы нас принимаете-то? На первой и послед-

ней отродясь масла не употребляем. Рыбу весь пост не едим,—только в благовещение разрешаем себе рыбки покушать, да в вербное икоркой балуемся...

— Ну, досвиданья, Марья Сидоровна!—Дай вам, бог великий пост в благочестии провести, поговеть в добром здоровьи и светлого Христова воскресенья дождаться...

— И вам того же желаю... Ну, досвиданья, досвиданья...

В чистый понедельник «на льду»,—как в просторечии назывался этот грибной базар,—можно было встретить опохмелившихся мастеровых:—в этот день они не работали и тоже шатались по базару, пробовали грибы и мед, выковыривая его из боченков пальцами, но ничего не покупали, потому что деньги все были прожиты на маслянице, и только какой-нибудь мастеровой, у которого сохранился кое-какой остаток, покупал большую баранку, надевал ее на плечи и гулял с нею по базару, а потом шел в трактир и пил с этой баранкой чай.

Чай в то время подавали с постным сахаром, с медом или кувшинным изюмом, и даже по желанью с миндальным молоком.

* * *

Из населяющих Зарядье ремесленников великим постом особенно были завалены работой портные, сапожники, башмачники, картузники, токари, вытачивающие деревянные детские игрушки и щеточники,

изготовляющие половые, платяные и сапожные щетки. У шапочников и скорняков работа прекращалась и они почти на все лето уезжали в деревню.

Прогулов у мастеровых в посту было меньше, но все же они случались:—какой-нибудь забулдыга придет в мастерскую и соблазнит кого-нибудь выпить. Такие типы среди мастеровых встречались нередко,—все они были хорошими мастерами, но ужиться на одном месте не могли и переходили от одного хозяина к другому, что им делать было легко, так как хозяева не давали им вперед денег. Мастерам же, которые должны были хозяину, переходить с одного места на другое было труднее: хозяева задерживали паспорта до уплаты долга.

Впоследствии было издано постановление, раз‘ясняющее, что паспортов задерживать нельзя, а выданные вперед и не отработанные деньги с мастера можно взыскивать через мировой суд.

Но задержка паспортов долго еще практиковалась среди ремесленников...

Я знал одного такого забулдыгу-мастера, которому дали прозвище—«от клопов». Этого мастера более солидные хозяева уже не принимали, и он должен был околачиваться у мелких хозяйчиков, которые сами работали на более крупных хозяев и имели одного-двух мастеров. Такие хозяйчики назывались «грызиками» или «клопами». Вот у этих то «клопов» и работал этот мастер. Бывало, спросят его: откуда ты, Семен?

— От клопов,—ответит он.

Так его и прозвали,—«от клопов»...

Такие типы встречались большею частью среди бессемейных, одиночек; с деревней у них были порваны связи, они из города уже не могли никуда уйти и кончали печально, умирая на улицах под заборами, или, в лучшем случае, в чернорабочей больнице.

В то время большинство рабочего люда ничем не было обеспечено на случай инвалидности или старости,—не было ни охраны труда и социального страхования и обеспечения,—вот почему рабочий люд инстиктивно держался за деревню и не порывал с ней связи:—ему было ясно, что если он потеряет способность к труду в городе, то найдет приют в деревне, где он на что-нибудь будет пригоден.

Я уже отметил характерную черту, что все лучшие мастера были большими пьяницами, и надо прибавить еще—скандалистами:—они чувствовали свое превосходство перед другими, главенствовали в мастерских, и из-за этого часто происходили скандалы побоища и драки. Такие мастера тоже не могли долго ужится на одном месте и часто совершенно спившись, попадали на «Хитровку». Много там было из портных,—жили они там в ночлежных домах, регулярной работы у них не было, и они занимались временной работой, а такая работа выпадала им вот по какому случаю: какой-нибудь мастер-портной по неосторожности прожжет горячим утюгом материю из которой он шьет вещь; прожженое место проваливается,—вещь испорчена. И вот, не говоря об этом ни слова

хозяину, мастер бежит на «Хитровку», и там ему куском такой же материи заделают из‘ян так, что отыскать прожженое место невозможно. Такие мастера назывались «штуковщиками»; за «штуковку» они брали от рубля до двух рублей.

* * *

Великий пост относительно пищи строго соблюдался хозяевами, да оно и выгодно было кормить рабочих постными щами и кашей на постном масле. Рыба варилась только в благовещенье.

Мастера и ученики, работая по 14—15 часов в сутки, были голодны, и у них в это время часто возникали разговоры об еде: «у кого что болит, тот о том и говорит».—Разговоры эти часто приводили к спорам:

— Эх, хорошо бы теперь блинков поесть,—начинает мечтать в слух какой-нибудь мастер.

— А сколько бы ты теперь мог с‘есть блинов?— задает вопрос такой же проголодавшийся мечтатель.

— Да штук 35 с‘ел-бы за милую душу!..

— Ну,—35-то всякий с‘ест, а ты 45 с‘ешь.

— И 45 с‘ем.

— Ан, не с‘ешь!?

— С’ем.

— Давай поспорим!

— Давай.

Условливаются: тот, кто берется с‘есть 45 блинов, и не с‘ест их, а оставит хоть полблина,—платит

рубль тому, кто покупает эти блины; если же с'ест то другой спорящий остается в убытке, истратившись на покупку блинов.

Взявшийся с'есть 45 блинов, ставил в условие, чтобы ему во время еды дали ковш квасу, который продавался в овощных лавках и стоил «корец»—(деревянный ковш с короткой ручкой) одну копейку.

Посылали за квасом и блинами, их приносили горячими прямо из пекарни.

Вся мастерская следила за процессом с'едания блинов. Первые блины шли ходко—их почти целиком проглатывал проголодавшийся, а к середине уже упирались,—едок все чаще и чаще прикладывался к квасу, а к концу уже с трудом проглатывал тяжелые, вязкие остывшие блины.

Бывали случаи, что едок никак не мог осилить 3—4 последних блинов и проигрывал рубль. Бывали споры и другого рода, основанные на недогадливости одного из спорящих. Например, предлагалось с'есть простую маленькую булку, стоющую $2^1/_2$ копейки, и на грош добавку.

— Какого же ты добавку даешь—может, ядовитого чего или гвоздей?—спрашивал недогадливый.

— Нет, с'едобного...

Недогадливый соглашался. Били друг друга по рукам, третий разнимал, т.-е. был свидетелем. Посылали в лавку купить булку и на $^1/_2$ копейки соли, а ее на $^1/_2$ копейки давали чуть не фунт.

Эта забава была не из приятных: воды во время еды не полагалось, и вот спорщик с трудом ел не-

большую булку с большим количеством соли, а соль в то время была неочищенная, крупная. Из десен показывалась кровь, и спорщик просил воды и проигрывал пари.

Еще был забавный спор—с‘есть булку, подвешенную к потолку на тонкой веревочке, но не дотрагиваться до нее руками, и чтобы ни один кусочек из нее не выпал. Особенно трудно было кусать булку в том месте, где она была перевязана веревочкой, тут была нужна особая сноровка и осторожность, чтобы остаток булки не выпал из завязки.

Работа в мастерских после пасхи шла усиленным темпом только до троицына дня—это был летний сезон.

К Петрову дню—29 июня—большинство мастеровых уезжало в деревню на полевые работы, да и Москва заметно пустела и затихала, особенно, когда большинство московского купечества и торгового люда уезжало на Нижегородскую ярмарку—«к Макарью».

Интересную картину представлял «город», т. е. все торговые пункты центра Москвы, включая «Старую» и «Новую» площади, в конце августа и вначале сентября, когда купечество, закончив свои торговые дела на «Всероссийском торжище»—Нижегородской ярмарке, возвращалось в Москву,—тогда во всех торговых пунктах служились торжественные благодарственные молебны с водосвятием перед иконами, которые висели в каждом торговом пункте, в каждом

ряду. На эти молебны привозились московские святыни: огромная икона Иверской б. м. из часовни у Иверских ворот, такая же большого размера икона Спасителя из часовни у Москворецкого моста, мощи Пантелеймона из часовни на Никольской улице; из Успенского собора — икона Владимирской б. м. и «Гвоздь Господень»; из местных храмов приносились хоругви и чтимые иконы. Специально для установки этих святынь устраивались из белого полотна палатки, украшенные цветами и зеленью, приглашались соборные протодьяконы и лучшие хоры певчих—Чудовской и Синодальный.

* * *

Я упомянул о «Старой» и «Новой» площадях, собственно говоря, никаких площадей не было,—эти названия носили проезды по внутренней стороне Китай-городской стены между Варварскими и Ильинскими воротами и между Ильинскими и Владимирскими воротами; первый проезд назывался «Новой» площадью, а второй—«Старой» площадью. На «Старой» площади был развал—толкучка; сюда каждый день с раннего утра сходились скупщики старого—старья и разных домашних вещей;—старьевщики, которые ходили по дворам, выкрикивая «старого-старья продавать». Этим делом занимались,—да и до сих пор занимаются,—татары;—скупленные вещи они выносили на толкучку, продавали их с рук, или в старьевые лавочки, приютившиеся в нишах Китай-городской стены. У татар старьевщиков можно было встретить

самые разнообразные вещи:—старомодный пуховый цилиндр, фрак или виц-мундир, вышедшую из моды дамскую шляпу с перьями и цветами, из'еденое молью меховое пальто, распаявшийся самовар и другие самые разнообразные вещи.

Тут же на площади находилась «обжорка»— с'естные лавочки, кормившие ломовых извозчиков и весь толкучий люд по очень дешевой цене: миска щей с хлебом стоила 3 копейки, а миска каши— 2 копейки; бабы торговки сидели на крышках больших глиняных горшков—«корчаг», закутанных тряпками и продавали из них горячие рубцы.

У стены приютились — «холодные» сапожники, подкидывающие подметки и набивающие каблуки большими гвоздями, которые назывались «генералами», прохожим заказчикам; заказчики стояли босые тут же около сапожника, дожидаясь исполнения заказа.

Сновали блинщики, пирожники, предлагая свой товар «с пылу - с жару»... Торговцы старыми ломанными медными и железными вещами, раскладывали свой товар прямо на мостовой. И вся площадь кишела, как муравейник.

На противоположной стороне от старьевых лавочек, прилепленных к стене, находились довольно обширные торговли готовым платьем и обувным товаром. У дверей этих торговлей стояли молодцы-приказчики, которые назывались—«зазывалами»; они не только зазывали в свои лавки покупателей, но насильно затаскивали их туда.

Когда на площадь попадал какой-нибудь покупатель-провинциал, приказчики — зазывали, подхватывали его и начинали таскать из одной лавки в другую, так что он не знал, как вырваться от них.

Если покупатель, не сторговавшись в покупке какой-нибудь вещи, уходил из лавки, приказчики незаметно для него ставили ему на спине крест; приказчики других лавок, куда его затаскивали, уже знали, с кем имеют дело, и как с ним обращаться.

На Никольской улице, ближе к Владимировским воротам находились книжные лавки букинистов и издателей-лубочников.

Много было букинистов, торговавших в проходе между Никольской и Театральным проездом, около Троицы—полей; там многие годы сидел в своей крохотной лавочке старый букинист Афанасий Афанасьевич Астапов,—низенькая горбатая фигура его была знакома многим москвичам из ученого и литературного мира.

На месте теперешнего Лубянского пассажа находился трактир Колгушкина, где издатели-лубочники за парой чая или за графинчиком совершали сделки по продаже книг с офенями и провинциальными книжниками. Туда же приходили писатели—поставщики литературного товара на рынок,

В довоенное еще время «толкучка» со «Старой» площади была переведена за Устинский мост, около Комиссариата.

На «Новой площади»—толкучки не было,—там торговали большей частью меховыми товарами, остат-

ками ситца, браком суконных товаров в так же лавочках, прижатых к Китай-городской стене, вплоть до самых Варварских ворот, около которых на башне висела чтимая москвичами икона Боголюбской б. м.

Интересное зрелище представляла Варварская площадь 17 июля (ст. ст.) в день празднования этой иконы, которая один раз в году,—именно 17 июля, спускалась со стены, и устанавливалась на особом помосте под балдахином, украшенном цветами.—И целых три дня и три ночи перед иконой служили молебны, для служения которых приезжали архиереи, настоятели монастырей и духовенство из соборов.

Большинство москвичей считало своим долгом приложиться к иконе в эти дни,—потому что в другое время приложиться к иконе было невозможно,—она висела высоко на башне.

Так как мы жили недалеко от Варварской площади, я—мальчиком, каждый день ходил и толкался на этой площади. И хотя я не имел никакого желания стоять в огромной очереди и дожидаться, пока дойдешь до иконы, но у меня являлась мысль, отчего бы в другое время, когда здесь не будет такой толпы не взобраться по стене к иконе и не приложиться к ней?..

В эти три дня и три ночи стечение народа на площади было так велико, что к месту где стояла икона, были устроены особые проходы, обтянутые канатами. Проходов было три: один для мужчин, другой для женщин и третий для женщин с детьми.

Площадь представляла из себя род гулянья: толпилось масса продавцев крестиками, иконками, лубочными картинами и книжками с описанием иконы.

Каждый пришедший приложиться к иконе считал долгом купить медную или серебряную иконку с изображением Боголюбской величиной с мелкую серебряную монету и повесить ее себе на шею на розоватой ленточке; эти иконки-крестики продавались сотнями тысяч, так как каждый богомолец покупал их по нескольку штук и приносил домой для родных и знакомых.

Тут же толкались нищие и разносчики пирожками, блинами, пышками, квасом, вареной грушей, сбитнем и сластями.

Порядок охранялся большим нарядом конной и пешей полиции.

В конце третьего дня приезжал сам митрополит, служил торжественный молебен, и икона снова поднималась на башню до следующего празднования.

* * *

В начале 70 годов на месте теперешнего Лубянского сквера был пустырь, ведущий от Ильинских ворот до Варварской площади; пустырь был огорожен деревянным забором. Со стороны Ильинских ворот, на том месте, где теперь стоит памятник павшим героям Русско-турецкой войны 1877 года, стояли деревянные постройки, в которых производилась торговля фруктами, сластями и бакалейными колониальными товарами. Самый пустырь служил для

склада пустых ящиков, рогож, бочек. В другом же конце пустыря, прилегающем к Варварской площади, находились рыбные торговли, и эта часть почему-то называлась «ерзугой», а на самой площади стоял народный театр, который был выстроен к Политехнической выставке в 1872 году, устроенной в Александровском саду по случаю 100-летия со дня рождения Петра I.

По Китай-Городской стене, прилегающей к Лубянской площади, от Ильинских ворот до Варварских ворот, были развешаны огромные картины-плакаты, изображающие сцены из жизни Петра I. Этот театр был действительно общедоступным и посещался мастеровыми и рабочим людом.

Не помню, кто из мастеров нашей мастерской взял меня с собой в этот театр. Мне было около 9 лет, но я, как сейчас ощущаю ту радость, и даже счастье, что я попал туда,—для меня все было ново, невиданно: и огромное стечение народа, и самый воздух, и игра на сцене, на которой я увидал таких людей, каких мне еще не приходилось видеть, и музыка...

Отец наказал меня за то, что я без его позволения пошел в театр,—это меня очень огорчило, я долго плакал, но не остановило моего влечения к театру и я тайком уходил на утренние спектакли.

Я не знаю, каких артистов, игравших в театре, я видел, но впоследствии узнал, что я видел многих знаменитостей, как Николая Хрисанфовича Рыбакова, игравшего со своим сыном Константином Николае-

вичем, впоследствии артистом Малого театра; там же в народном театре выступали Александр Павлович Ленский, А. И. Стрелкова, В. В. Зорина и многие другие.

Спектаклями руководил А. Ф. Федотов — муж Гликерии Николаевны Федотовой. Точно не помню репертуара этого театра, но, наверное, это были пьесы исторического жанра и мелодрамы.

После народного театра на Варварской площади, я вспоминаю другой народный театр—«Скоморох», помещавшийся в круглом здании, построенном на земле Кашиных на Сретенском бульваре для панорамы—«Взятие Плевны».

Впоследствии на этом месте был построен большой дом страхового общества «Россия». «Скоморохом» руководил Андрей Александрович Черепанов.

Этот театр я знал уже ближе и посещал его довольно часто, был знаком с самим Черепановым и многими другими артистами—Львовым, Черногорским, Леоновым; часто бывал за кулисами и познакомился с закулисной жизнью. Репертуар театра был самый разнообразный: на ряду с народными пьесами Е. П. Карпова и С. Т. Семенова, ставились оперы «Аскольдова могила», мелодрамы, трагедии.

В этом театре была поставлена «Власть тьмы» Л. Н. Толстого. Л. Н. Толстой сам посетил представление своей пьесы и смотрел ее с самых последних рядов «галерки».

В этой пьесе особенно выделялась своей игрой молодая актриса Кварталова в роли Анютки.

В конце драм и трагедий, по обычаю того времени, ставились или одноактные водевили или чаще всего выступал певец народных песен Дмитрий Алексеевич Ушканов, пользовавшийся тогда большой популярностью у посетителей «Скомороха». Ушканов появлялся на сцене в пестрядинной рубахе, в лаптях и производил фурор исполнением под балалайку своей песни «Про козла».

Выступал в этом театре и певец Павел Иванович Богатырев, певший свои импровизированные песни-стихи под гитару.

Этот певец, происходивший из простого народа, обладал чудесным тенором и дебютировал однажды в Большом театре в опере «Аскольдова могила» в роли Торопки.

Богатырев обладал и литературным дарованием— его романы и повести из московской жизни, печатались в «Московском Листке» у Н. И. Пастухова.

Московское купечество очень любило Богатырева, оно же и погубило его, приглашая участвовать в своих попойках и кутежах.

Окончил Богатырев тем, что ходил по трактирам средней руки и распевал под гитару свои песни уже охрипшим, потерянным голосом.

Кроме «Скомороха» в Москве народных театров не было, отчасти этот пробел заполняли цирки, усердно посещаемые средней публикой. Самый старый цирк существовал на Воздвиженке, назывался он «Цирк Гинне», впоследствии был известен «Цирк Чинизелли». А к концу 80 годов славился, как цир-

ковой деятель, Соломонский, цирк которого находился на Цветном бульваре, и теперь в этом здании помещается цирк.

Говоря об увеселениях в Москве, нельзя не припомнить гуляний в Городском манеже. Эти гулянья устраивались на маслянице, рождестве и на пасхе. Манеж весь убирался и украшался флагами, гирляндами, устраивались открытые подмостки для выступления разных фокусников, акробатов, рассказчиков, куплетистов, хоров песенников и пр. эстрадных исполнителей.

Устраивался закрытый театр, где разыгрывались исторические драмы и комедии. Два оркестра военной музыки гремели на весь манеж, в котором шло непрерывное увеселение.

По всему манежу были разбросаны киоски с продажей игрушек, сластей, подарочных товаров. Тут же находились лотереи-аллегри, тиры для стрельбы в цель, а в левом углу от входа помещался ресторан, арендатором которого в большинстве случаев бывал А. Д. Лопашев.

Манеж служил также для цветочных выставок, выставок охотничьих собак, а когда начали вводиться велосипеды, в манеже устраивались катанья на них. Велосипеды в то время были несколько иного вида: переднее колесо было огромное, а заднее маленькое.

Когда приезжал со своей капеллой-хором Дмитрий Александрович Славянский, он всегда устраивал свои

концерты в манеже: хор у него был огромный, человек около 100, большинство из исполнителей, да и сам Славянский—были одеты в старинные боярские костюмы.

По части увеселений Москвы много работал в свое время Михаил Валентинович Лентовский.

Кто из старых москвичей не помнит эту фигуру в русской поддевке, в русских сапогах, в косоворотке? Он всегда являлся с целой цепью брелоков и медалей на груди, в русском картузе, надетом на курчавую с проседью голову. «Маг и чародей» по части устройства увеселений, Лентовский приобрел особенную известность устройством «Сада-Эрмитажа» на Антроповых ямах около Екатерининского парка. Такого разнообразия увеселений, подобранных с большим вкусом, москвичи ни до Лентовского, ни после него не видали.

Лентовский не раз устраивал гулянья и в манеже.

Как антрепренер, Лентовский делал огромные обороты в своих предприятиях, но как человек широкого размаха, был всегда в долгах и умер бедняком 11 декабря 1906 года.

* * *

Мастеровой, ремесленный и служащий люд только временами пользовался театральными зрелищами в настоящих театрах, зато балаганы на Девичьем поле на маслянице, рождестве и пасхе бывали переполнены мастеровым и рабочим людом, но и эти увеселения были временными, вот почему можно

об‘яснить существование такого множества постоянных увеселителей, ходивших в то время по дворам московских домов, в которых преобладал мастеровой, рабочий и служащий люд.

С детских лет я помню этих увеселителей. Ярче всего в моей памяти сохранился кукольный театр «Петрушка».

Во двор дома входили два человека, один тащил за плечами шарманку, а другой нес складные ширмы и небольшой деревянный ящичек.

Шарманщик, поставив на подставку шарманку, начинал играть, а другой человек раскладывал и устанавливал среди двора ширмы, скрывался за ними, и сейчас же раздавался «петрушкин» голос, призывающий публику посмотреть на представление, которое сейчас же и начиналось. Сверху ширмы появлялась фигура «Петрушки», одетая в клоунский наряд, в остроконечном колпаке с кисточкой, в руках его были две медные тарелочки, которыми он ударял друг о друга.

«Петрушка», величая себя Петром Ивановичем, рекомендовался публике, которая тесным кольцом охватывала ширмы. Окна растворялись, и в них показывались фигуры обитателей: так сказать, от партера до галерки сбор был полон.

Между тем из-за ширм появлялась возлюбленная «Петрушки» Маланья Сидоровна, происходило с ней об‘яснение.

Во время сцены любезного об‘яснения из-за ширмы выскакивала собака и хватала «Петрушку»

за его длинный нос. «Петрушка» не своим голосом кричал:—Ой, ой, ой,—и звал доктора. Являлся «лекарь из-под каменного моста аптекарь» и начинал спрашивать—где болит? Лекарь показывал на руки, на голову, на грудь, но «Петрушка» отвечал: — не тут! Наконец, этот осмотр надоедал «Петрушке» и он на секунду скрывался за ширмами и появлялся с трещоткой, которой начинал бить лекаря, приговаривая:—вот где болит, вот где болит! Лекарь в изнеможении падал и лежал без движения, перевесившись на краю ширм. Неожиданно появлялась фигура цыгана в красной рубашке, в черном жилете, лицо было вымазано сажей, черные волосы всклокочены, говорил он басом. Он предлагал «Петрушке» купить лошадь. Лошадь была бракованная, с норовом, но цыган продавал ее за хорошую и всячески расхваливал ее. Дело кончалось дракой: «Петрушка» отбивал у цыгана лошадь, садился на нее верхом и начинал гарцевать. Появлялся квартальный, происходило об‘яснение. «Петрушка» убивал и квартального, ударяя трещоткой по голове. На шум являлся жандарм, но и с ним «Петрушка» расправлялся так, как и с квартальным.

Убивая всех врагов, «Петрушка» клал их тут же на края ширм, а потом складывал их всех на плечи и скрывался за ширмой, напевая: «Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест».

На вызовы публики «Петрушка» появлялся из-за ширм, раскланивался и просил не забыть его.

Из раскрытых окон бросали медяки, завернутые в бумажку, а человек, выйдя из-за ширм, ловил эти подаяния в картуз.

Толпа, окружавшая ширму, переходила вместе с представляльщиками на следующий двор, и там с неменьшим удовольствием смотрела еще раз излюбленное действо.

О кукольном театре вообще и в частности о «Петрушке» есть целые исследования, но я записал свои впечатления, полученные мною более полувека тому назад, в таком виде, в каком сохранились они в моей памяти.

Не менее любопытное зрелище представляли акробаты и фокусники; они являлись группой по два, по три человека, с той же неизбежной шарманкой; расстилали прямо на земле коврик (в то время дворы были большей частью незамощенные) и начинали исполнять свои акробатические номера: прыжки, сальто - мортале, хождение на руках вверх ногами, бросание шаров и пр., а фокусники показывали фокусы с монетами, яйцом платками.

Интересны были татары со скрипками. Их было человек 5—6, одетые по-татарски—в тюбютейках на бритых головах—они усаживались посредине двора, поджав под себя ноги, начинали пиликать на скрипках и петь песни на ломанном русском языке. Их любимая песня была о том, как возлюбленная

напоминает своему другу о том времени, когда они—

«В Разумовском саду
Мял шелкову траву
Под яблонькой сидели,
Друг на друга глядели.
Я яблочко сорвала,
Тебе, друг мой, подала...»

Под конец татары пели веселую песнь:

«Приведи мне, маменька,
Писаря хорошего,
Писаря хорошего—
Голова расчесана;
Голова расчесана—
Помадами мазана;
Помадами мазана,—
Целовать приказано...»

При этом все они вскакивали и, не оставляя игры на скрипках, начинали кружиться в пляске. Ходили по дворам и настоящие хоры песенников, которые в праздничные дни пели на гуляньях в Сокольниках, в Марьиной роще и в Петровском парке. Иногда в этих хорах попадались чудесные голоса и они с большим чувством и умением исполняли старинные русские песни.

Репертуар песенников состоял из новейших модных песен, а также из старых русских: «Уж вы, ночи ли мои, ноченьки, ночи темные, ночи осенние», «Не одна то в поле дорожка», «Степь Моздовская», «Лучинушка» и многие др.

Ходил по дворам какой-нибудь отставной солдат, бывший когда-то в полку музыкантом, прослуживший «царю-батюшке» 25 лет, вышедший в отставку, ничем не обеспеченный, он вот теперь собирал подаяние за игру на кларнете. Разбитой старческой грудью он старался извлечь из инструмента веселые звуки, а сам грустно смотрел на окна, не бросит ли кто копейку, завернутую в бумажку.

Какие-то не то белоруссы, не то румыны ходили с волынками, итальянцы и болгары с дресированными обезьянами и наши старые древние вожаки медведей, которых они заставляли показывать публике— «как красная девица за водой ходит», «как пьяные мужики водку пьют».

К старинным увеселителям принадлежали и рожечники: они ходили в армяках и шляпах гречнивиками; их песни были близки рабочему люду, они напоминали деревню, пастушечьи песни на заре.

А из новейших увеселителей обращал на себя внимание «человек-оркестр». Он своим видом представлял какого-то средневекового рыцаря, одетого в полное вооружение: на голове у него было надето нечто в роде шлема, увешанного металлическими колокольчиками, за спиной у него был огромный барабан обвешанный бубенчиками, по которому человек ударял особыми палочками, на концах которых находились шарики, обтянутые кожей; эти палочки были прикреплены у него к локтям.

Сверху барабана находились медные тарелки, приводимые в действие особым приводом, прикрепленным

к каблуку правого сапога. На груди, перед подбородком—духовая гармония. Человек был весь в движении: он дергал ногой, тряс головой, работал локтями, дул в гармонию, каждое его движение вызывало звуки, и получался целый оркестр.

Много ходило по дворам певиц, которые под аккомпанимент шарманки распевали чувствительные романсы в роде «Под вечер осени ненастной» или «Отворите окно, отворите». Последний романс, может быть, намекал на то, чтобы действительно отворилось окно и оттуда вылетели медные монетки.

Шарманщики ходили и в одиночку со «счастьем». На шарманке стоял ящичек с конвертиками, в которые вложены были печатные изречения, большей частью вырезками из «царя Соломона» гадателя, издаваемого Никольскими книжниками. «Счастье» это вынимал не сам шарманщик, а заставлял вынуть или попугая или морскую свинку, которые сидели тут же на шарманке и дожидались, когда шарманщик бросит в ящик несколько зерен; разыскивая их попугай вынимал клювом и конвертик.

Во время Русско-Турецкой войны в 1877—78 году в Москве появилось много не то болгар, не то сербов. Они ходили по дворам и распевали на ломанно-русском языке марш, сложенный в честь генерала Черняева—героя Сербско-Турецкой войны 1876 года. Помню, припев к этому маршу состоял из следующих слов:

Марш, марш генерал наш.
Раз, два, три,—слава войницы.

И этих славянских певцов москвичи называли «братушками».

Эти же «братушки» ходили и с обезьянами, которые показывали разные акробатические номера.

У москвичей прежнего времени были свои излюбленные забавы, увлечения, свой спорт и даже физкультура,—так от старины и до сих пор еще сохранились голубиная охота,—те же слова «чистый», турман, «чиграш», «чалочка» и проч. и до сих пор слышатся на московских дворах и задворках, где устроены особые голубятни.

У москвичей вообще всегда было любовное отношение к голубям: многие москвичи в летнюю пору каждый день растворяли окна и посыпали на подоконник крупу или куски хлеба для голубей.

А около городских рядов и у собора Василия Блаженного стояли торговки с моченым горохом. Москвич подходил к торговке, давал несколько копеек и та чашечкой рассыпала горох по улице; сейчас же слетались стаи голубей и подбирали горох. Голуби знали своих кормилиц и всегда стаями вились около них; некоторые из голубей так привыкали к своим кормилицам, что без всякого страха садились им на головы и дожидались кормежки.

Еще было одно увлечение у москвичей—это петушиные бои, может быть и теперь они где-нибудь существуют, но о них не слышно, да и прежде они были редки и существовали нелегально. При каком-

нибудь среднего сорта трактирчике имелась изолированная комната, в которую можно было попасть только через черный ход. В этой комнате устраивалась небольшого размера арена, по типу цирковой арены, обитая красным сукном; кругом арены два-три ряда деревянных скамееек с возвышением, это—места для зрителей. Над ареной свешивалась с большим зонтом лампа, освещающая центр арены. Красное сукно арены было все в темных пятнах от крови.

Подготовляя к бою петухов, их владельцы подтачивали им шпоры перочинными ножичками.

Предварительно охотники сговаривались относительно боя и размера заклада в трактире, а потом уже выпускали петухов на арену.

Выпущенные петухи сначала спокойно ходили, как бы присматриваясь друг к другу, потом набрасывались один на другого. Бой начинался. Зрители и владетели петухов зорко смотрели за ходом боя. Бились не на живот, а на смерть. Зрители одобряли удачные удары. Кровь лилась из гребней, летели перья. Бывали случаи, когда один петух удачным ударом выбивал глаз противнику, который и с одним глазом бился до тех пор, пока не обессиливал и не падал без движения. Победитель гордо ходил около побежденного, изредка нанося ему удары клювом, как будто испытывал, не притворяется ли он?

Такое состояние боя высчитывалось минутами, и если упавший петух не поднимался условленное число минут, считался окончательно побежденным; но иногда бывали случаи, когда избитый, израненный петух,

полежит, да и поднимется и снова начинает бой и выходит победителем. Кроме пари между двумя владетелями петухов, большинство зрителей держало заклады друг с другом за того или другого петуха. В Москве известны были петушинные бои в трактире «Голубятня» на Остоженке.

Петушиные бои в Москве не были широко развиты, потому, что оффициально не разрешались, и только за взятки полиция допускала их существование.

* * *

Прежняя физкультура выражалась в «стенках», в кулачных боях и в катании на лодках по Москве-реке и прудам, а зимой в катаниях на коньках.

В 80-х годах арендатором почти всех лодочных пристаней и катков был М. А. Гордеев; москвичи прозвали его «Апаюном»—водяным дедушкой. Зимой на Чистых прудах он устраивал один из лучших катков, обносил его забором, приглашал военный оркестр, освещал разноцветными фонариками. Иногда на этих прудах устраивались снеговые горы, с которых москвичи любили покататься на санках на Маслянице и Рождестве.

Лед с прудов продавался на скол для набивки погребов.

В местностях, заселенных мастеровым или фабричным людом почти каждый праздник, особенно по зимам, происходили «стенки», в них принимали участие большей частью мальчики-подростки; взрослые же находили удовлетворение в кулачных боях на Москве-реке.

Я помню, как происходили кулачные бои на льду Москвы-реки у Бабьегородской плотины, между фабричными Бутиковской фабрики и рабочими завода Гужена. Были большие бои и у Пресненской заставы. В этих боях участвовали сотни людей. А с той и с другой были известные, испытанные бойцы.

Близко мне не приходилось наблюдать эти бои,— я их видал только издали, но отдельных кулачных бойцов я видал, они приходили к нам в мастерскую к знакомым мастерам. Вспоминаю одного такого бойца—он был уже пожилой человек, высокого роста, сухой, лицо его все было в шрамах, зубы все выбиты, мне запомнилось его необыкновенно длинные руки и беззубый рот.

Этот боец был в своем роде известностью,—он не удовлетворялся боями на Москве-реке и гастролировал в окрестностях Москвы. Так, я слышал, что большие кулачные бои происходили где-то «На ключиках» за Лефортовым, и там этот боец славился.

К характерным чертам москвичей прошлого времени можно отнести страсть к пожарным зрелищам.

В прежнее время в Москве было много деревянных построек—особенно на окраинах. Случались пожары, которые, благодаря скученности построек, неусовершенствования пожарной команды, и недостатку воды, иногда принимали огромные размеры. Так, помню, выгорела «Новая деревня», «Бабий городок»; был большой пожар на «Балканах»; там вытащенную из

домов мебель и разные домашние вещи погорельцы спасали в Балканском пруду (в то время этот пруд не был еще засыпан), но огонь, окруживший пруд со всех сторон, зажигал и все сваленное в пруд.

Пожарные команды были оборудованы насосами самой простой системы, они выкачивали воду ручным способом из бочек, подвозимых к пожару; за водой же ездили на Москву-реку, Яузу, или брали из близлежащих прудов, а иногда из бассейнов. Среди москвичей—любителей пожарных зрелищ находились такие, которые, как только узнавали о большом пожаре, нанимали извозчиков и ехали туда или шли пешком в довольно отдаленный район от своего местожительства.

Пожары всегда были окружены большой толпой народа. Чтобы работать ручными насосами, полиция привлекала к этому зрителей, которые часами выстаивали и следили, как загораются одна за другой постройки, как работают пожарные, руководимые брандмейстерами.

На пожарищах, сквозь треск обрушивающихся зданий, грохота железа, и шипения воды—то и дело слышались выкрики «Рогожская качай»! «Пятницкая качай»!..

* * *

«Какой русский не любит быстрой езды»...—сказал Гоголь, и это определение вполне оправдали москвичи—в особенности московское купечество.

В то время и помину не было об автомобилях и трамваях. «Конки» начали ходить по Москве только вскоре после Политехнической выставки в 1873—74 годах. Многие москвичи помнят эти 2-х этажные вагоны с нижними и верхними сидениями, запряженные парой лошадей, но когда при под‘емах в гору силы этих лошадей не хватало, тогда на помощь им припрягались еще одна или две пары управляемых верховыми форейторами. Стоянки форейторов — обыкновенно мальчиков-подростков—были у под‘емов на горы: на Трубной площади, на Швивой горке, у Дорогомиловского моста и пр. местах. Вагон, под‘ехав к под‘ему на гору, останавливался, форейторы припрягали своих лошадей, и со свистом, с выкриками гнали их в гору. На ровном месте вагон останавливался, форейторы отпрягали своих лошадей и снова отправлялись к своим стоянкам дожидаться следующих вагонов. В ненастье и морозы эти мальчуганы-форейторы представляли жалкое зрелище:—им негде было укрыться от дождя и холода. Плата за проезд одной станции взималась по 5 копеек внизу и 3 копейки наверху, на империале, но на верх допускались только мужчины, хотя одно время было разрешено и женщинам ездить на империале, и в этом москвичи видели шаг вперед в вопросе о равноправии женщин.

Первая линия трамвая была проложена по Малой Дмитровке в 1900 году, а в 1902 году трамвай перешел к городу и сеть его стала расширяться.

До введения этих успехов цивилизации способ передвижения по Москве ограничивался лошадиной силой:—для перевозки тяжестей существовали ломовые извозчики, для перевозки мебели и громоздких вещей—фуры, а для легковой езды—извозчики, экипажи которых в 60—70 г.г. были «колибры», в виде дрожек, на которые можно было садиться или с боков, или верхом. К 80 годам «колибры» исчезли, их заменили пролетки без верхов, а потом уже пошли пролетки с верхами, сохранившиеся до сего времени.

На далекие расстояния, к заставам, по Москве ходили линейки: длинный экипаж с двухсторонними сидениями—по 5 человек с каждой стороны. Зимой линейки заменялись общественными санями—запряженными 2—3 лошадьми. Плата за перевозку в этих экипажах была очень не высока: от центра, города до застав брали всего по 10 копеек с человека. У Земляного вала стояли контрольные и проверяли число едущих пассажиров.

Всеми этими способами передвижения пользовались только заурядные обыватели—рабочий, мастеровой, служащий люд, из купцов же редкий маломальски состоятельный не имел своего выезда—это считалось и хорошим тоном и придавало солидность.

Стоило наблюдать, как замоскворецкие купцы каждое утро выезжали на своих лошадях в «город». Купцы в Замоскворечьи жили большей частью в собственных домах; было в обычае над воротами домов прибивать медный крест-распятие, или какую-нибудь иконку. Купец выезжал из своих ворот, обнажал

голову и начинал креститься; приехавши к своей лавке, он вылезал из экипажа и опять крестился на икону, а иконы, как я уже говорил, висели в каждом ряду.

Вечером, прекращая торговлю и запирая лавку, купец, окруженный своими приказчиками—молодцами, снова крестится на икону, после чего кланялся на три стороны, как бы временно прощаясь с тем местом, где он проводил большую часть своей жизни.

Старые москвичи вообще, проходя или проезжая мимо церквей, имели обыкновение останавливаться и покреститься. Летом купцы ездили в просторных 4-х местных пролетках, а зимою—в санях с медвежей полостью. Закутанные в енотовые с огромными воротниками шубы, они неслись на своих рысаках на Ильинку, Варварку, в торговые ряды к своим лавкам, амбарам для торговых занятий.

Толстые кучера, подстриженные «в кружок», с бритыми затылками, в архалуках, отороченных по краям лисьим мехом, подстать хозяину, важно сидели на козлах, натянув, словно струны, возжи, сдерживающие несущихся рысаков.

Купцы щеголяли друг перед другом упряжью и экипажами. Не даром в это время шорными торговлями был полон Балчуг, а экипажными заведениями—Каретный ряд. Но в каретах купцы ездили редко—они им были нужны только для свадебных и похоронных процессий. Кареты считались принадлежностями бар, господ.

Коляски употреблялись только в особые парадные случаи и, главным образом, на гулянии, которые происходили в Вербное воскресение на «Вербе», на рождестве, пасхе и маслянице.

Масляничная неделя—самое веселое время у москвичей—не даром они ее называют—«широкой» масляницей. На этой неделе происходили самые широкие гулянья. Поддевичьем, в Манеже, в цирках и театрах перегащивание друг у друга на блинах, поездки в загородные рестораны...

Масляничные гуляния существовали издавна и назывались «масляничными потехами», которые в старину происходили у Красных ворот, на Разгуляе и на Москве-реке.

С середины XIX столетия масляничные гуляния были переведены Подновинское, а потом на Девичье поле.

У Красных ворот масляничное гулянье устроил Петр I. Там он в масляничный понедельник сам открывал гулянье, качался со своими офицерами на качелях, а во вторник открывал катание с ледяных гор, он приезжал со своей фамилией, входил в шатер, устроенный наверху горы, садился в санки, шатер раскрывался и царь скатывался с горы в санках.

Этим и начиналось катание.

Петр хотел это гулянье устроить по образцу венецианского карнавала.

Масляничные гулянья-карнавалы устраивались и Екатериной II, под руководством известного актера Ф. Г. Волкова.

На этих гуляньях устраивались самые разнообразные увеселенья, но применительные ко вкусам русского народа,—борьба, кулачные бои, медвежьи представления катание с ледяных гор, раз‘езды, фокусы разных «кунстмахеров».

Один из способов борьбы назывался «московским»—это когда один из борцов, если ему удавалось наклонить противника в сторону, подбивал ему носком правой ноги левую ногу и сбивал его на землю.

От этой исключительно московской ухватки в борьбе и пошла поговорка «Москва бьет с носка».

С медведями в то время и позднее—на моей памяти ходили двое:—вожак—здоровый, коренастый мужик-ярославец и его помощник — мальчик лет 12 — 13, который изображал «Козу»—надевал на себя мешок, сквозь который сверху протыкалась палка с козьей головой, к голове был приделан деревянный язык, приводимый в движение привязанной к нему веревкой.

Когда начиналось представление, вожак бил в барабан «Коза» хлопала языком, а медведь начинал кружиться—это называлось «медвежьим танцем».

Медведей в то время водили очень крупных, у них были перепилены зубы и когти, а у некоторых выколоты глаза.

После представления медведь обходил публику с шапкой и собирал подаяние. Иногда медведя и вожака угощали водкой, до которой они оба были большие охотники.

В последнее время—20—21 г. опять на московских улицах появились вожаки с медведями, но водили молодых медведей—медвежат. Представление состояло в борьбе вожака с медвежонком, на это зрелище собирались большие толпы народа.

Был такой случай: один вожак вздумал выкупать своего медведя в Яузе. «Мишка» до того разохотился купаться, что ни за что не хотел вылезать из воды, вожак сам полез в реку, чтобы выгнать медведя и он закупал вожака.

А после 1925 года медведи из Москвы исчезли.

Охотный ряд—главный поставщик масляничных продуктов—во время масляной недели был переполнен—сюда с‘езжались люди со всей Москвы за покупкой всех сортов рыбы, икры, масла, сметаны...

Богатое купечество закупало масляничные продукты—икру, семгу, балык и разные деликатессы у Генералова, Белова и Колганова, сельди—у Громова, а вина—у Леве и Депре, конечно, более «серьезными» напитками снабжал москвичей Петр Смирнов у Чугунного моста.

Купечество с первого же дня масляницы начинало посещать театры; быстрее всего разбирались ложи, в которых восседали многочисленные купеческие семейства, привозившие с собой в театр фрукты и конфеты, это для жен и детей, а сами «степенные» в антрактах прохаживались в буфет. Толстые замоскворецкие купчихи сверкали бриллиантами, купеческие сынки были одеты по модному, дочки-невесты в выездных нарядных платьях, а сами купцы—по-старинному

в длиннополых сюртуках, в белых манишках, в мягких козловых сапогах с длинными голенищами.

После театров за обыкновение считалось заехать в Большой Московский трактир или к Патрикееву, впоследствии к Тестову—поужинать стерляжьей ухой с растегаями, раковым супом или селянкой.

В трактирах к этим дням были заготовлены большие запасы вин и закусок.

Половые—в белоснежных рубашках—легко, словно плавая, проносились по залам, угощая гостей.

Половые во всех московских трактирах имели обыкновение поздравлять посетителей с широкой масляницей, поднося на блюде поздравительную карточку со стихами, напечатанными на красивой бумаге, на одной стороне карточки был рисунок с масляничным сюжетом и наименованием трактира, а на другой стороне—стихи на тему о маслянице и обращение служителей к посетителям.

Так на одной карточке и говорилось:

«Мы для масляной недели
Каждый год берем стихи
И без них бы не посмели
С поздравленьем подойти».

Более красивыми карточками отличался Большой Московский трактир, для него специально писались стихи с таким заголовком:

«Поздравительные стихи с Сырной неделей от служителей Большого Московского трактира», а дальше идут стихи:

«С неделей Сырной поздравляем
Мы дорогих своих гостей

И от души им всем желаем
Попировать повеселей.
Теперь, забыв тоску, гуляет
Весь православный русский мир,—
С почтеньем публику встречает
Большой Московский наш трактир».

А в другой поздравительной карточке того же трактира стихи более содержательны:

«Ликует град первопрестольный,
Разгулу дав широкий взмах,
И пенной чары звон застольный
Под говор праздничный и вольный
Звенит на всех семи холмах,
И этот звон сливаясь вместе,
Волной могучею встает,—
О русской маслянице вести
По свету белому несет.
Гремит серебрянным набором
Ямская збруя на конях
И москвичи с веселым взором,
Блистая праздничным убором,
Летят в разубранных санях.
А тройка мчится на приволье
Стрелой, порывисто дыша,—
Простора просит и раздолья
Живая русская душа...
«В Большом Московском, пир справляя,
Все веселится, как в гульбе...
Здорово ж, гостья дорогая,—
Привет, родимая, тебе...»

Внизу под стихами напечатано: «Дозволено цензурой. Москва 1884 года февраля 8 дня».

А вот карточка другого популярного среди московского купечества трактира Лопашева, дозволенная цензурой 18 февраля 1869 года:

«Снова праздник,—прочь печали,—
Будь веселье в добрый час.
Мы давно дней этих ждали,
Чтоб поздравить с ними Вас
И желать благополучий,—
Время шумное провесть,
А у нас на всякий случай
Уж решительно все есть:
Наши вина и обеды
Знает весь столичный мир,
И не даром чтили деды
Лопашева сей трактир».

В большинстве поздравительных стихов говорилось о том, чтобы посетители не забывали про служителей-половых.

Так в карточке от служителей трактира Бубнова и говорится:

«Посмотрите, что за чудо.
Что за славная семья.
Угодила к нам на блюдо,
Этим дням благодаря!—
Спорит с стерлядью янтарной
Блин с зернистою икрой,
И меж ними пеной парной
Блещет редерер с игрой..»

А в конце стихов высказывается надежда служителей на награду за услугу:

«Все служители мы рады,
Что вам весело сейчас,

И, конечно, уж награды
Вам не жаль теперь для нас».

Трактир Лопашева на Варварке был один из старинных московских трактиров, к таковым же принадлежал и трактир Егорова в Охотном ряду. Этот трактир посещался большей частью охотнорядцами; славился он блинами и хорошими сортами чая, для которого подавались только чашки, а не стаканы. Блины у Егорова выпекались не только на маслянице, но и во всю зиму.

Трактир этот был предназначен действительно для старозаветного московского купечества; в нем и обстановка была особенная: на потолке висели клетки с соловьями, которых приходили слушать любители певчих птиц. Был отдельный зал, в котором не позволялось курить; в этом трактире чай пили только из чашек, а стаканы совсем не подавались. Но на масляницe и егоровские половые поздравляли своих посетителей стихами. Кстати сказать, служители больших московских трактиров поздравляли своих постоянных и почетных посетителей из московского купечества особыми карточками, на которых было напечатано имя, отчество и фамилия посетителей.

С четверга масляница становилась действительно широкой,—гулянье Поддевичьем все больше привлекало народу, билеты в театры и цирки можно было достать только у барышников по возвышенной цене; трактиры переполнены праздничной публикой, и по всем улицам Москвы чувствовалось оживление. В пят-

ницу уже закрывались торговли и прекращалась работа в мастерских. Поддевичьем начинался раз‘езд-катанье;—московское купечество выезжало на показ. Тут происходили смотрины купеческих дочек и сынков, для того, чтобы поженить их на «красной горке» после пасхи.

По городу мчались тройки, разряженные цветными лентами и бумажными цветами с бубенчиками и колокольчиками, и у застав устраивались катанья—там больше простой призаставный люд выезжал на своих лошадях, так же разубранных лентами и цветами.

Перед тем как народные гулянья стали устариваться Поддевичьем, они происходили Подновинском,—в то время там еще не было Новинского бульвара, а была площадь. Гулянья Подновинском происходили издавна,—еще А. С. Грибоедов любил смотреть из окна своего дома на эти гулянья.

В моей памяти сохранились только гулянья Поддевичьем, туда я ходил с мастерами мальчиком лет 12—13. Помню балаганы, в которых давались героические, с патриотическим духом представления; сюжетом для них служили эпизоды из происходившей тогда Русско-Турецкой войны,—«Взятие Плевны», «Взятие Карса»,—такие пьесы служили «гвоздями» балаганного репертуара.

В представлениях участвовали настоящие солдаты, отпускаемые своим начальством из казарм. Происходили сражения с выстрелами из пушек, дрались штыками, и русские всегда оставались победителями.

После основной пьесы ставились разнообразные дивертисменты. Тут были танцовщицы, плясуны, акробаты, фокусники, а в большинстве случаев выступал русский хор песенников.

Над входом в балаган были устроены большие открытые балконы, куда, по окончании каждого представления, которое длилось не больше часа, выходили все действующие лица и стояли перед гуляющей толпой несколько минут на морозе,—акробаты были одеты только в трико, а танцовщицы в кисейные платья. Я как сейчас помню эти дрожащие фигуры с посиневшими от холода лицами. На балкон выходили и песенники певицы, одетые в русские сарафаны с кокошниками на головах, а певцы—в казакинах и круглых шапочках с павлиньими перьями.

Хор исполнял на балконе две—три песни; перед балконом собиралась огромная толпа бесплатных слушателей. А внизу, при входе около кассы человек без перерыва звонил в колокольчик и громко зазывал публику в балаган!

— Пожалуйте, господа хорошие,—сейчас начинается—торопитесь к началу!

И при этом он передавал весь репертуар балагана.

Кроме крупных по размеру балаганных театров, украшенных огромными картинами-плакатами с сюжетами из балаганного репертуара, Поддевичьем было много мелких балаганчиков, в которых показывались разные необычайные вещи: теленок о двух головах, «мумия египетского царя-фараона», дикий человек,

привезенный из Африки, который на глазах у публики ел живых голубей, человек с железным желудком, выпивающий рюмку скипидара или керосина и закусывающий этою же рюмкою, разгрызая ее зубами, и еще многое тому подобное.

Вертелись карусели с сиденьями, в виде лодок, небольшими колясочками или деревянными конями, на которых гордо верхами восседали подростки с железными палочками в руках; этими палочками они вынимали на ходу кольца, вставленные в особый прибор. Известное количество колец, поддетых на палочку, давало право ездоку еще раз прокатиться бесплатно.

Несколько качель были в беспрерывном движении,— фабричные работницы, в ярких ситцах, со своими кавалерами в новых суконных картузах с блестящими лаковыми козырьками—то и дело взвивались над качелями. Разносчики со всевозможными сластями нараспев расхваливали свои товары.

Вся толпа лущила семечки, грызла орехи, и вся площадь была усеяна скорлупой...

А кругом гулянья двигались вереницей катающиеся на разубранных тройках и богатых купеческих санях, в которых важно сидели купеческие семейства, разодетые в соболя и бобры.

Такое же катанье происходило и на Вербном базаре на Красной площади; это было самое оживленное весеннее гулянье. Еще со средины вербной недели вся площадь заставлялась белыми палатками и наполнялась самыми разнообразными товарами, большею частью подарочного характера: игрушки,

цветы, корзинные изделья, галантерея, сласти. Целые ряды палаток производили торговлю венчиками из искусственных бумажных цветов. У старых москвичей был обычай на пасху покупать новые венчики на иконы. Истые москвичи на всю пасхальную неделю отворяли киоты у икон, делая это в подражение церквам, где царские двери открывались на всю неделю.

Масса воздушных шаров красными гроздями колебались над толпой гуляющих. Находились любители, которые покупали несколько шаров, связывали их вместе и выпускали, любуясь, как они поднимались в весеннем солнечном воздухе.

Писк, визг, гудки разнообразных детских игрушек наполняли площадь и заглушали говор гуляющих и выкрики торговцев.

К бульвару около Кремлевской стены располагались торговцы живыми цветами, тут же стояли мороженники со сливочными шоколадным мороженым, но эти торговцы появились в более позднее время, а раньше их заменяли сбитеньщики. Тут же стояли палатки, в которых выпекались вафли, были торговцы глиняной и фаянсовой посудой.

На Вербный торг выезжали букинисты с Сухаревки и торговцы живыми морскими рыбками с Трубы.

Каждый год на вербном базаре появлялись новые игрушки, которым торговцы придумывали названия лиц, чем нибудь за последнее время выделившихся в общественной жизни в положительном, а большею частью в отрицательном смысле,—проворовавшегося общественного деятеля, купца, устроившего крупный

скандал или «вывернувшего кафтан» крупного несостоятельного должника, адвоката, проигравшего на суде громкое дело, на которое было обращено внимание москвичей.

Во время войны игрушкам давались имена неприятельских генералов, проигравших сражение.

Очень распространенной была игрушка под названием «морской житель»,—устраивалась она так: в стеклянную трубку с водой опускалась отлитая из стекла и пустая внутри фигура чертика, конец трубки обвязывался резиной, при нажатии на которую чертик опускался вниз, потому что сжатый воздух под резиной вгонял в него воду и он тяжелел и опускался на дно, когда же давление на резину прекращалось, вода из чертика выливалась, он делался легким и поднимался кверху. Одно время особенно распространена была игрушка «кри-кри», по всему вероятию заграничного происхождения, она состояла из стальной пластинки, заключенной в металлическую оправу, при нажиме на пружинку игрушка издавала звук — «кри-кри», отчего и получила свое название.

После вербного базара еще долго можно было слышать на московских улицах звук—«кри-кри».

По прилегающим к вербному базару улицам тянулись толпы народа, волнами вливаясь на площадь и отливая от нее.

У рядов, вокруг памятника Минину и Пожарскому, происходило катание. В середине круга катающихся раз‘езжали конные жандармы в синих мундирах,

в касках с черными волосяными султанами и устанавливали порядок.

После вербной недели начиналась страстная,— строгий пост, в церквах шли торжественные богослужения с лучшими хорами певчих; москвичи знали, где какие поют певчие, и наполняли эти храмы.

Особенно большим праздником считался день благовещенья 25 марта, в который никаких работ не производилось по поверию: «В этот день даже птица гнезда не завивает». Но трактиры, пивные и рестораны были открыты, торговали и рынки. Особым оживлением отличался в этот день «Птичий рынок» на Трубной площади, или, как ее называли, «Труба». На этом рынке стояли небольшие палатки с продажей певчей птицы и птичьего корму; по воскресениям же сюда выносили на продажу кур, гусей, уток, гоночных голубей, выводили целые своры охотничьих собак; тут же можно было купить рыболовные принадлежности, морских свинок, белок, кроликов.

В день благовещенья этот базар увеличивался против обыкновенного в несколько раз. У москвичей существовал с исстари обычай выпускать в этот день на волю птиц.

Некоторые истые москвичи из купечества и зажиточного класса специально приезжали на Трубную площадь, чтобы выпустить на волю несколько птичек. Для этого крестьяне из подмосковных деревень привозили целые садки с сотнями овсянок, снегирей и других мелких птиц.

В этот день на деревьях бульваров, прилегающих к площади, можно было наблюдать множество выпущенных на волю птиц, их щебетание в веселый солнечный день висело в воздухе над шумной толпой рынка. Мне рассказывали о таком случае, бывшем в 80-годах. Одна купеческая кампания возвращалась с загородного кутежа утром в день благовещенья. Проезжая мимо Трубного рынка, один из молодых купчиков вспомнил, что в этот день выпускают на волю птиц, и предложил остановиться и исполнить обычай старины, но было слишком рано—торговля еще не начиналась, палатки были заперты. Что было делать? А тут подвернулся какой-то мальчик-болгарин с обезьяной.

— Давай выпустим обезьяну,—решили купцы.— Сторговались, купили, отвязали цепочку от обезьяны, заулюлюкали. Обезьяна бросилась в сторону и быстро забралась на дерево...

Купцы уехали довольные.

Мальчик—владелец обезьяны—хотел было заманить ее к себе, но обезьяна действительно почувствовала себя на воле перескакивала с дерева на дерево и никак не давалась себя поймать...

А базар уже начинался, толпы народа стали наполнять площадь, и внимание всех было обращено на прыгающую обезьяну,—около нее собралась такая огромная толпа, что заполнила проезды и прекратила движение. Полиция обратила внимание, вызвала наряд жандармов, усилила наряд полицейских и с трудом разогнала толпу...

Самой распространенной птицей в купеческих и мещанских домах была канарейка—клетки с канарейкой и горшки с геранью на окнах были необходимой принадлежностью в этих домах.

Были среди купечества любители соловьев, но это были особые охотники, понимающие толк в соловьином пении.

Клетки с птицами в купеческих домах обыкновенно вешались в столовых. В праздники, когда купцы обедали дома, они любили послушать канареечное пение, поддразнивая птичку трением ножа о тарелку.

* * *

Вскоре после пасхи наступало 1 мая.

В Москве этот день считался полупраздником, оффициально по календарю он считался будничным днем, но некоторые торговцы производили торговлю только до обеда, а после обеда отправлялись на гулянье, которое происходило в Марьиной роще—до уничтожения ее,—а главным образом в Сокольниках, где среди гуляющих преобладал рабочий, мастеровой люд, мещане, торговцы—чувствовалось, что это был демократический праздник, и многие хозяева-ремесленники не сочувствовали ему—они сидели в мастерских, как бы сторожили, чтобы мастера не ускользнули на гулянье. Но стоило хозяину удалиться из мастерской на несколько минут, как два—три мастера, предварительно сговорившись между собой, быстро одевались и уходили в Сокольники.

Там в этот день действовали карусели, качели, по роще ходили шарманщики и хоры русских песенников, чайницы у своих столов зазывали гуляющую публику попить у них за столиками чайку. Около чайных палаток дымились самовары, ходили разносчики с разными закусками.

Группы гуляющих располагались в роще прямо на траве, расставляли бутылки с напитками, раскладывали закуску и пели песни под гармонику—вся роща была наполнена звуками гармоник, песен, выкриками разносчиков, зазыванием чайниц.

Ученики же ремесленники не смели и думать о первомайском празднике.

На этом гуляньи, так же как на Вербном базаре на маслянице и на пасхе поддевичьим, устраивалось катание. Одно время это гулянье открывалось довольно торжественно: когда в Москве был генерал-губернатором князь Долгоруков—он являлся на гулянье в полной парадной форме, окруженный свитой, и, верхом проезжая по кругу, открывал раз‘езд—гулянье.

Был в Москве еще праздник 22 июля—Марии Магдалины—царский день, именины царицы. Почему-то царицы в большинстве носили имя Марии. В этот день устраивалось гулянье в Петровском парке; собственно все гулянье заключалось в катаниях в колясках и ландо, да загородные рестораны—«Стрельна», «Яр» и «Эльдорадо» были переполнены буржуазной

публикой — новым купечеством. На этом гуляньи старых москвичей было мало, а рабочих и вовсе не было.

Царские дни только по календарю значились праздниками, работа в мастерских и торговля производились по-будничному, только вечерами Москва принимала праздничный вид—в царские дни она, по приказу полиции, украшалась флагами, а по вечерам была иллюминована:—на каждой тумбочке зажигались глиняные плошки, наполненные застуженным салом с фитилями. В некоторых местах вывешивались цветные стеклянные фонарики с зажженными свечами и зажигался бенгальский огонь. Вечером большое скопление народа было около губернаторского дома, увешанного гирляндами разноцветных фонариков.

В эти дни у губернатора давали балы, на которые приглашались высшие военные чины, московская знать и именитое купечество.

Иногда губернатор с гостями показывался на балконе перед гуляющей публикой. Царские дни отмечались торжественным богослужением в Кремле, после которого производился 101 холостой выстрел из пушек, стоящих на Тайницкой башне.

Ребятишки во время иллюминации чувствовали себя очень весело—они толпами выбегали на улицу, кричали «ура» и перебегали от одной плошки к другой, стараясь плюнуть в плошку и смотреть, как она шипит и гаснет; любимым занятием их было перетащить плошку от чужого двора к своему, хотя

дворники зорко следили за плошками, и когда неопытный воришка попадался к ним в руки, то тут же получал таску.

На всех гуляньях, на которых устраивались раз‘езды, московские купеческие сынки и дочки—новожены—считали долгом присутствовать. Многие выезжали на эти гулянья в лучших экипажах на собственных лошадях, но чаще всего нанимали коляску у содержателей экипажей.

Из таких содержателей славились Ечкины на Трубной площади, и Овечкины—на Покровке. Они же были поставщиками экипажей на свадебные и похоронные процессии, а в прежнее время свадьбы играли большую роль в жизни москвичей и справлялись по особому ритуалу.

Общественная жизнь среди купечества была мало развита. Купцы, кроме своих лавок и амбаров, трактиров и ресторанов, да перегащивания друг у друга, почти не появлялись в общественных местах, а потому купеческие сынки и дочки, нравственность которых строго охранялась стариками, не могли встретиться и знакомиться друг с другом в общественных местах, поэтому-то в Москве и существовал чуть не целый класс людей, специально занимающихся сватовством.

Свахи, реже сваты, только тем и жили, что ходили по домам где были женихи и невесты; они узнавали всю подноготную и сватали молодых людей друг другу.

У свах всегда был большой выбор женихов и невест—холостых, вдовцов, девиц, вдов разных возрастов и состояний. Дело свах состояло в том, чтобы расхваливать ту и другую сторону и доводить дело до законного брака. А расхваливать свахи умели особым способом, специально выработанным для того языком, и лгали при этом отчаянно.

Деловой разговор они вели только с отцами и матерями женихов и невест, которых родители часто и не спрашивали, хотят они жениться и выходить замуж—главное заключалось в равенстве положения и в приданом.

Бывали случаи, что сватовство прекращалось с первого же посещения свахи по особой причине—придет сваха и начнет расхваливать невесту. Старик—отец жениха — слушает, соображает, прикидывает — подходящее ли будет дело и, между прочим задает вопрос:

— А как имя невесты-то?

Сваха заминается, но отвечает:

— Да ее Харочкой называют...

— Харочкой—удивляется купец,—да что же это за имя такое?

— Хавронья... Во святом крещении так названа,—старается смягчить неблагозвучное и непопулярное имя невесты сваха.

Купец гладит бороду и задумывается.

— Та-а-а-к...—говорит он, помолчав.

И разговор уже ведется в другом тоне.

Купцу не нравилось имя невесты: засмеют приятели, скажут—Хавронью завел в доме...

И часто только из-за этого прекращалось сватовство с первого же раза.

Узнает об этом мать жениха, и у ней об этом иной разговор со свахой.

— Да как же это, милая моя, имя-то ей такое дали?—с соболезнованием спрашивает сваху купчиха-мать.

А сваха все знает, она уже допытывалась об этом раньше и рассказывает целую историю:

— Теперь-то вот они богатеи страшенные,—вон какие дома, фабрика, а прежде-то мужичками были, бедствовали; ну и родилась у них в то время дочка, понесли ее крестить, а поп-то сердит на них был,—мало за молебны платили,—так вот он на зло—и дал ей такое имя...

Купчиха сочувствует, но ничем помочь не может...

Если та и другая сторона находили партию подходящей, то сватовство сразу принимало деловой характер, и сваха приносила в дом жениха роспись приданого за невестой. Каждая роспись по традиции начиналась такими словами:

«Роспись приданого. В первую очередь—божье благословение: иконостас красного дерева с тремя иконами в серебряных вызолоченных ризах и к ним серебряная лампада»...

Дальше шло описание золотых, серебряных, бриллиантовых и жемчужных вещей, зимних шуб, при чем подробно описывалось, на каком меху, с каким воротником, и чем покрыта каждая шуба, сколько бархатных, шелковых, шерстяных и ситце-

вых платьев, какая мебель, сундуки; подробно описывалось белье, число дюжин простынь, наволочек, одеял, сорочек, вплоть до носовых платков.

Роспись рассматривалась, обсуждалась, происходила буквально торговля: покупатель выторговывал, а продавец твердо держал свою цену.

Наконец, дело с приданым слаживалось, и сватовство шло дальше—назначались смотрины, которые происходили или на гуляньи или в театре, где жених только по виду знакомился с невестой, а старики родители друг с другом. Но чаще всего жених под предводительством свахи ехал смотреть невесту на дом. Нанимались извозчики или коляски, отец садился с сыном в один экипаж, а мать жениха со свахой в другой экипаж.

У свах была примета—под‘езжать к дому невесты не прямым путем, а проехать несколько дальше, вернуться обратно и окружным путем уже под‘ехать к дому,—это, по поверию свах, значило «запутать дело».

Если дело налаживалось, старики условливались о дне «сговора». Собственно все уже было сговорено, но «сговор» являлся как бы извещением близких родных и знакомых о предстоящей свадьбе для этого устраивался бал, во время которого назначался день благословения.

У состоятельных москвичей балы в день благословения и в день свадьбы устраивались в наемных домах. Таких домов в Москве было очень много, начиная с самых роскошных и кончая домами средней руки.

Большой известностью пользовался дом Кузина на Канаве, специально выстроенный для балов и поминальных обедов. Этот дом очень любило московское купечество: он по своему устройству, убранству, несколько примитивно-наивно безвкусному, как-то подходил под вкусы купечества.

К лучшим домам можно было причислить дом Золотарского, на Долгоруковской улице; этот дом отличался прекрасным зимним садом, так как у Золотарского было свое цветочное заведение. Но и в других домах были зимние сады.

Очень хороший дом был Оконишникова на Якиманке. Остальные дома—Герасимова на Немецком рынке, Коршунова на Щипке, Корсакова в Таганке, Иванова в Грузинах, и мн. др. можно отнести к домам средней руки.

Все содержатели этих домов имели своих поваров и весь штат прислуги.

Эти содержатели домов или, как их называли кондитеры, брались устраивать балы на самые разнообразные цены—от 5 до 25 рублей с персоны, судя по кушаньям, винам, сервировке и убранству помещения.

В маленьких домах устраивались балы и за более дешевую плату 2—3 рубля с персоны.

Иногда, по особому соглашению, вина для бала закупал не кондитер, а наниматель, в таких случаях, судя по количеству приглашенных, давал выписку, сколько каких вин надо было закупить.

Изредка свадебные балы устраивались в гостиницах—в Большой Московской, в Эрмитаже; это у москвичей считалось особым шиком.

Со стороны жениха и со стороны невесты старались пригласить более знатных гостей.

Было время, когда на купеческие свадьбы приглашались генералы, правда не действительные, а отставные, они не были родней ни жениху, ни невесты и даже не были совсем знакомы с ними, но приглашались для «большей важности» и получали за это особую плату...

На другой день после благословения жених приезжал к невесте с гостинцами—он привозил голову сахару, фунт чаю и самых разнообразных гостинцев—конфект, орехов, пряников, и все это привозилось в довольно большом количестве—целыми кульками; делалось это потому, что невеста все предсвадебное время приглашала к себе гостить подруг, которые помогали готовить приданое, а дела за этим было много: все мелкие вещи, начиная с носовых платков, салфеток и пр., надо было переметить уже новыми инициалами—с фамилией жениха.

После этого жених становился своим человеком в доме невесты—он ездил к ней почти каждый день, привозил с собой своих товарищей и тогда устраивались вечеринки с пением, танцами и играми.

Когда приданое было готово, назначался день свадьбы. Со стороны жениха печатались особые пригласительные карточки-билеты, они были небольшого размера, печатались на самой лучшей бумаге с раз-

нообразными украшениями—с ажурной высечкой по краям, с цветами, виньетками. Текст этих пригласительных билетов до конца 80-х г.г. был у всех одинаков и обращение шло только с жениховской стороны.

Вот копия одной карточки:

«Федор Григорьевич и Федосья Андреевна
Латышевы
в день бракосочетания сына своего
Федора Федоровича
с девицей Александрой Ларионовной
Герасимовой
покорнейше просят вас пожаловать на бал и вечерний стол сего Января 17 дня 1875 г. в 7 часов вечера.

Венчание имеет быть в церкви св. Георгия, что в Рогожской, а бал в доме Иванова на Швивой горке».

С конца 80 годов стали появляться двойные пригласительные билеты, с одной стороны—приглашение со стороны жениха, а с другой—со стороны невесты.

Но бывали и курьезные приглашения. Вот пригласительный билет известного в свое время редактора журнала «Русское Дело», Сергея Федоровича Шарапова, имевшего свои мастерские сельско-хозяйственных орудий.

Карточка—довольно большого размера; по обеим сторонам ее помещены портреты жениха и невесты, а в середине такой текст:

«Бракосочетание

вдовы потомственной дворянки Александры Иосифовны Макарской и потомственным дворянином Сер-

геем Федоровичем Шараповым, свободным от первого брака с г-жею Коравко в силу утвержденного св. Синодом постановления Московской Духовной Консистории, состоится 4 июля 1908 года, в 6 часов вечера, в приходской церкви села Заборья, откуда новобрачные направятся в собственное имение—сельцо Сосновку.

Наиболее удобные поезда для гостей: выходящий из Москвы в 9 час. утра (приходит на стан. Мещерск Москов.-Брестской ж. д. в 3 ч. 34 мин. дня) и выходящий из Вязьмы в 11 час. 35 мин. утра (приходит на ст. Мещерск в 12 час. 6 мин. дня) по Петербургскому времени.—

Экипажи на станцию будут высланы».

Но такая карточка является исключением,—больше подобных карточек мне не приходилось видеть.

Венчание всегда происходило в приходе жениха. Отец жениха недели за две—за три сообщал приходскому духовенству о дне венчания и давал сведения, кто на ком женится. На этом основании дьякон после обедни в праздничные дни делал огласку о предстоящей свадьбе. Такие огласки должны быть сделаны три раза.

Перед самым днем венчания дьякон приезжал в дом жениха и записывал в книгу необходимые сведения о бракосочетании. Этот процесс назывался «обыском»; за него дьякону полагался подарок—платок и известная сумма денег.

К малосостоятельным дьякон не ездил на дом, а запись в книгу производилась в церкви перед венчанием.

Считалось необходимостью, чтобы жених и не-

веста в этом году были у исповеди, а если они этого не сделали, то должны перед венчанием исповедываться и причаститься.

Накануне дня венчания в доме невесты назначался девичник и прием женихом приданого; на эту церемонию приглашались только близкие родные да молодежь со стороны невесты и жениха.

День девичника начинался с того, что с утра невеста с подругами и свахой отправлялись в баню. В богатых купеческих домах это делалось так: сваха отправлялась вперед и нанимала в банях хороший, просторный номер и там приготовляла привезенные с собой закуски, сласти и легкое вино.

Невеста приезжала с подругами уже в приготовленный номер.

Вечером происходил прием приданого; приезжал жених с родителями и самыми близкими родными, привозил невесте в подарок свадебную шкатулку, в которой находились следующие вещи: веер, перчатки, пудра, духи, мыло, помада, носовой платок, иногда бинокль и свадебные туфли.

Интересную картину представлял дом невесты в этот вечер—по всем комнатам было расставлено и разложено приданое — все на виду: белье перевязано цветными шелковыми ленточками, шубы с отвернутыми полами, чтоб был виден мех, коробка с золотыми и бриллиантовыми вещами раскрыта.

Отец с матерью жениха принимали все вещи по росписи и все это тут же укладывалось в сундуки, при этом в углы сундуков клались баранки и сере-

бряные или золотые монеты. Когда все было уложено, сундуки запирались и ключи передавались жениху; вещи начинали выносить в приготовленные фуры, при этом подруги невесты садились на сундуки и требовали выкупа—жених должен был откупаться деньгами. Фуры не выпускались со двора дворниками, которые стояли у ворот и до тех пор не отворяли их, пока не получали выкуп.

В день венчания жених с невестой ходили в свои приходские церкви к обедне, а некоторые отправлялись в Кремль и там прикладывались к мощам и служили молебны.

В этот день жених с невестой говели: им никакой еды кроме чая не давали.

Перед венчанием в дом жениха приезжали его шафера—их обыкновенно было двое; они были одеты по парадному—во фраках, белых перчатках и в цилиндрах. Узнавши, что жених готов к от‘езду, они отправлялись известить об этом невесту и привозили букет цветов, а невеста прикалывала к фракам шаферов маленькие букетики цветов флер-де-оранжа.

Узнавши что и невеста готова к от‘езду, шафера возвращались к жениху и вместе с ним отправлялись в коляске в церковь. Родители благословляли жениха иконой, но сами не присутствовали при венчании.

Шафера старались устроить так, чтобы жених первым приехал в церковь.

Как к дому жениха, так и к дому невесты кареты и коляски приезжали заранее. Карета под невесту отличалась от других по своему устройству и внеш-

нему виду и была похожа на царские кареты:—размером она была больше, чем обыкновенные кареты, снаружи имела золотые украшения, а внутри обита белой шелковой материей, закладывалась она 4-мя, а иногда 6-ю лошадями.

В последние годы перед революцией эти кареты освещались электричеством и даже на гривах лошадей горели электрические лампочки.

Жители местных околотков толпами собирались около свадебного поезда и около церкви, стараясь попасть в нее и посмотреть на венчание, но на богатых многолюдных свадьбах в церковь пропускали только по билетам; контролерами были городовые местного полицейского участка, а для порядка и «для чести» иногда приглашались конные жандармы.

На богатые свадьбы приглашались лучшие соборные протодьяконы и известные хоры певчих. Церковь была в полном освещении — горели все паникадилы.

При входе жениха в церковь, хор встречал его особым песнопением. Венцы, возложенные на головы венчающихся, шафера все время держали.

Надо заметить еще одну примету: в туфли, в которых невеста шла под венец, клались серебряные монеты: эта примета, как и баранки в сундуках, обозначала будущую жизнь новобрачных — сытую и богатую.

После венчания новобрачные и близкие родственники заезжали не надолго в дом жениха, а оттуда уже ехали на бал.

На балу новобрачных встречали собравшиеся гости; они стояли в большом зале, разделившись на две стороны:—по одну—мужчины, по другую — женщины.

По приезде на бал, новобрачных отводили в отдельную комнату и подавали им закуску, так как они целый день постились. Закусивши, они появлялись перед гостями в общем зале, там протодьякон с певчими провозглашал им многолетие. После чего лакеи разносили на подносах бокалы шампанского, которым поздравляли новобрачных.

После этого, под оркестр музыки начинались танцы, открывали их новобрачные, идя в первой паре.

Между тем официанты на серебряных подносах разносили гостям чай. В столовой были накрыты столы с разнообразными закусками, винами, водами. Молодежь танцевала, а пожилые люди начинали подходить к столам. Танцы сменялись один другим: распорядители—шафера каждый раз об‘являли название танца и давали знать музыкантам, помещавшимся на особых хорах.

Выпив и закусив, пожилые усаживались за зеленые столы, приготовленные в особых карточных комнатах, и начинали излюбленную купечеством игру в стуколку.

Во время бала новобрачная несколько раз удалялась в комнату-будуар и там переодевалась в разные платья.

Во время вечера официанты беспрерывно разносили гостям кофе, шоколад, фрукты и разные сласти. Закуски на столах тоже менялись:—подавались раз-

варные рыбы, горячие окорока ветчины, пирожки с зернистой икрой...

Иногда в программу бала вставлялись плясуны — исполнители русских плясок,—специально приглашенные за плату.

Они одевались в русские костюмы — шелковые цветные рубашки, плисовые шаровары, лаковые сапоги и круглые с павлиньими перьями шапочки.

Под утро часа в 4 начинали накрывать столы для ужина. Для того, чтобы придать особый шик ужину, у каждого прибора клалось особо отпечатанное меню и програма музыкальных номеров.

В меню и музыке старались дать что-нибудь иностранное.

Вот точная копия, сохранившейся у меня карточки, на одной стороне которой напечатано меню кушаний, а с другой—музыкальная программа:

«Ужин

Ноября 1-го 1910 года.

1) Консоме—Барятинский.

Бафер де Педро.

Пирожки:—Риссоли-шассер.

Тарталетки Монгля.

Стружки перигор.

Валованы финансьер.

2) Шофруа из перепелов с Страсбургским паштетом.

Соус провансаль.

3) Осетры а-ля Русь на Генсбергене.

Соус Аспергез.

4) Пунш мандариновый.

5) Жаркое:

Фазаны китайские.

Рябчики сибирские.

Куропатки красные.

Пулярды французские.

Цыплята.

Салат ромен со свежими огурцами.

6) Саворен с французскими фруктами.

7) Mes amis.

Ананасы, фрукты, конфекты.

А программа музыки, которая играла во все время ужина, следующая:

1) Свадебный марш. Соч. Мендельсона.
2) Увертюра Бандитенштрейхе. Соч. Зуппе.
3) Вальс. Соч. Вальдтейфиль.
4) Попури из оперы «Фауст». Соч. Гуно.
5) Прелюдия из оперы «Кармен». Соч. Бизе.
6) Дивертисмент. Соч. Рем.
7) Венгерские танцы. Соч. Брамса.

Во время ужина лакеи, по заранее составленному списку, провозглашали здравицы новобрачным, их родителям, близкой родне и всем гостям.

Часам к 6 утра бал кончался. Новобрачные уезжали в одной простой карете,—не той, в которой невеста ехала к венцу,—а за ними раз'езжались гости.

У выхода стояли официанты и держали подносы с налитыми шампанским бокалами. Каждый уходящий гость брал бокал, пригубивал шампанское и клал на поднос «чаевые» деньги.

На другой день новобрачных поздравляли с законным браком служащие: они вскладчину покупали пару белых гусей, перевязывали им шеи розовыми ленточками и подносили их молодым хозяевам.

К вечеру новобрачные ездили с визитами к близким родственникам и уважаемым гостям, при этом они развозили с собой в карете коробки конфект и дарили эти конфекты при каждом визите, а их отдаривали золотыми и серебряными вещами.

На этом и кончалась свадебная церемония.

В тех же самых домах, где происходили свадебные балы, справлялись и поминки более зажиточных людей.

Но были еще дома при некоторых из московских кладбищ, специально отдаваемые под поминальные обеды; эти дома считались дешевыми и в них справляли поминки люди среднего класса.

Почти все или, по крайней мере, большинство населения Москвы не принадлежало к коренным москвичам, население составилось из пришлых людей; и вот эти пришельцы в Москву, умирая в ней, имели обыкновение завещать похоронить себя на кладбищах у тех застав, от которых дороги ведут на их родину, и по которым они пришли в Москву. Так на Пятницком и Лазаревском кладбищах хоронились Ярославцы и тверитяне; на Дорогомиловском—урожденцы Можайского, Рузского и Верейского уездов.

В этом желании—похорониться поближе к родным местам, оправдались слова поэта:

И хоть бесчувственному телу
Ровно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать...

Именитое купечество и люди ученые хоронились на кладбищах при московских монастырях—Донском, Новодевичьем, Симоновском, Даниловом, Покровском и прочих.

А артисты московских театров—большею частью на Ваганьковском кладбище.

Москвичи вообще любили помянуть своих покойников.

Поминальные обеды справлялись с особым ритуалом: прежде всего на них присутствовало духовенство, которое перед обедом читало положенные молитвы, служило «литию» и благословляло «яству и питие», которыми обильно были уставлены столы. Меню поминальных обедов состояло из рыбных кушаний, особенно если поминки приходились в постные дни недели или посты.

Первым блюдом подавались блины с зернистой икрой, а кончился обед киселем с миндальным молоком.

По окончании обеда духовенством опять служилась лития, заканчивавшаяся «вечной памятью», которую пели все присутствующие, после чего разносился в стаканах мед-сыта.

Похоронную процессию всегда сопровождала толпа нищих, родственники покойного везли с собой целые мешки медной монеты и во всю дорогу до кладбища раздавали их нищим.

Богатые же купцы устраивали поминки, заказывали обеды для бедных в ночлежных домах или раздавали подаяние на дому.

Когда в начале 80 годов умер богатый купец Губкин, родные его вздумали раздавать подаяние на дому.

Двор дома Губкина на Рождественском бульваре до того был переполнен нищими, желающими получить подаяние, что было задавлено несколько человек, и весь бульвар запружен желающими пробраться во двор, чтобы получить довольно крупное подаяние, кажется, по рублю: конная и пешая полиция едва разогнала толпу...

Подводя итоги, я могу сказать, что все, описанное мною классы москвичей, происходили из крестьянства:—пришельцы в Москву из деревни пристраивались к мастерству, к торговле, и те, которые были покрепче характером, посмекалистее, наживали деньги и из простых мастеровых становились хозяевами, порывали связи с деревней, приписывались в мещане, а из торговцев-прикащиков — выходили купцы; Морозовы, Карзинкины, Рябушинские, Бахрушины и многие другие имели свои корни в деревне;—они сами, или их деды и прадеды пришли из деревень

с катомками и в лаптях, а потом сделались миллионерами, но в нравственном развитии, в привычках, в быту они оставались неизменными, только столичная жизнь отшлифовывала их внешне.

Я записал то, что мне пришлось видеть, слышать и пережить и что сохранила мне память в течение более полувека,—я описал ушедший быт московских людей—из которых состояло большинство населения,—рабочих, мастеровых - ремесленников, торговцев и купцов.

Москва. 1927 г.

Цена 85 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
В Торговый Сектор Издатель
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
Москва, Центр, Кузнецкий Мост, д. 1. Телеф.
Ленинград, Проспект 25 Октября, д. 68. Телеф.

